
Рб 20/722

БИБЛІОТЕКА „НАРОДНЫХЪ ЛИСТКОВЪ“

НАДГРОБНОЕ СЛОВО АЛЕКСАНДРУ II

(Воспоминанія политическаго каторжанина)

Изъ № 3 «Вѣстника Народной Воли»

Съ послѣсловіемъ
отъ издательства „Народныхъ Листковъ“

ЖЕНЕВА
Украинская типографія
1901

БИБЛІОТЕКА „НАРОДНЫХЪ ЛИСТКОВЪ“.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО АЛЕКСАНДРУ II

(Воспоминанія политическаго каторжанина.)

Изъ № 3 „Вѣстника Народной Воли“,

Украинская типографія. 47, Onex près Genève Suisse.

1901

2007050666

НАДГРОБНОЕ СЛОВО АЛЕКСАНДРУ II.

(Воспоминанія политическаго каторжанина.)

Въ десять [illegible]ь, темной безлунной почью, въ первыхъ числахъ августа, по одной изъ улицъ селенія Печенеги, легкой рысью ѣдутъ одна за другой четыре тройки. Разглядѣть сидящихъ на телѣгахъ людей трудно, благодаря довольно густой темнотѣ. Кого и куда онѣ везутъ? Посмотримъ. Свернули въ одну изъ боковыхъ улицъ; въ небольшомъ отдаленіи едва замѣтно выдѣляются какія-то бѣлыя зданія. У воротъ этихъ зданій тройки остановились. Надъ воротами виднѣется большая черная доска, на которой при отблескѣ стоящаго невдалекѣ фонаря можно прочесть бѣлую надпись: „Новобѣлгородская каторжная центральная тюрьма.“ Прежде всего съ телѣги спрыгнули вооруженные жандармы, которые вслѣдъ за тѣмъ стали помогать слѣзть людямъ, которыхъ они конвоировали. Звукъ цѣпей, слышный при вылѣзаніи изъ телѣгъ, указываетъ на то, что привезенные люди закованы въ кандалы.

Сегодня около полудня, не доѣзжая нѣсколько верстъ до Харькова, желѣзнодорожный поѣздъ, шед-

шій съ юга, остановился въ степи. Возлѣ мѣста остановки толпилась кучка полицейскихъ, жандармовъ и т. п. „охранителей.“ Сюда же откуда-то сбоку подкатили четыре почтовыя тройки. Изъ одного вагона стали выходить, одинъ за другимъ, солдаты, жандармы и между ними четверо молодыхъ людей, одѣтыхъ въ сѣрые арестантскіе халаты съ желтыми тузами на спинахъ. Ихъ усадили на тройки и повезли...

Вылѣзшіе арестанты, въ ожиданіи прихода смотрителя, котораго не оказалось въ ту пору дома и за которымъ послали, столпились у воротъ. Между ними не завязывается никакого разговора; они лишь перекидываются отъ времени до времени отдѣльными словами. Каждый изъ нихъ, утомленный дорогой, думаетъ про себя свою думу, сущность которой состоитъ, вѣроятно, у всѣхъ въ одномъ вопросѣ: „придется ли когда-либо выглянуть отсюда на бѣлый свѣтъ?“

Черезъ полчаса томительнаго ожиданія тюремныя ворота отворились и, сопровождаемые жандармами, арестанты вошли во дворъ. Вскорѣ за тѣмъ явился смотритель и началъ пріемку арестантовъ на каменномъ крыльцѣ главнаго тюремнаго зданія. Порывшись въ лежащихъ передъ нимъ бумагахъ и взявъ одинъ изъ попавшихся „статейныхъ списковъ,“ смотритель выкликаетъ:

„Виташевскій!“ *) Юноша лѣтъ 20 выходитъ впередъ.

---

*) Осужденъ на 4 года каторжныхъ работъ по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Одессѣ, на Садовой улицѣ, въ 1878 году (дѣло Ковальскаго).

„Осмотрѣть хорошенько!“ киваетъ смотритель въ сторону стоящаго невдалекѣ, надзирателя. Начинается тщательный осмотръ вещей. Нѣсколько книгъ и свертокъ бумаги кладутся на столъ передъ смотрителемъ.

„Книги можешь взять съ собой“ — обращается смотритель къ вызванному. „А это что? — табакъ! Выбросить!“ *Ты* и опять это „ты“ подчеркивается и послѣ него дѣлается небольшая пауза, — „ты, Вишевскій, пойдешь въ лѣвую одиночку.“

Юноша, пожавши руку товарищамъ, сопровождаемый надзирателемъ и двумя жандармами, отправляется въ глубину двора.

Та же процедура продѣлывается и съ остальными, причемъ въ лѣвую одиночку отправляютъ еще одного, а двухъ другихъ ведутъ въ правую.

Оставимъ пока смотрителя съ его бумагами, весело болтающаго съ жандармскимъ офицеромъ, и послѣдуемъ за тѣми, которыхъ повели въ правую одиночку.

Пройдя по двору шаговъ 50 и завернувъ за уголъ главнаго тюремнаго зданія, они стали подходить къ одноэтажному строенію, гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ „главный корпусъ.“ Надъ входными дверьми красовалась надпись: „правая одиночка.“ Отворивъ дверь, надзиратель ввелъ своихъ арестантовъ въ довольно длинный корридоръ, тускло освѣщенный керосиновыми лампами, поставленными въ амбразурахъ надъ дверьми каждой кельи. Изъ надзирательскаго номера появилась фигура надзирателя, повидимому, спавшаго передъ тѣмъ, который торопливо застегивалъ ремень съ болтающимся на немъ револьверомъ.

„А, новенькихъ привели, господа!“ обратился онъ къ жандармамъ.

„Да, принимайте подъ сдачу. Счастливо оставаться“ — обратились къ арестантамъ уходившіе жандармы, за которыми усердный надзиратель поспѣшилъ затворить дверь.

„Степановъ, сходи къ смотрителю за ключами — обратился „старшій“ къ подошедшему къ нему въ то время изъ другого конца корридора „младшему.“

По уходѣ послѣдняго, старшій надзиратель сталъ обыскивать приведенныхъ. Онъ заставилъ ихъ разуться, тщательно осмотрѣлъ „коты,“ снялъ халатъ и подвергъ все тщательному осмотру; затѣмъ приступилъ къ ощупыванію по всѣмъ направленіямъ надѣтаго на арестантахъ бѣлья. Черезъ нѣсколько минутъ были принесены ключи, и вновь прибывшіе отправились въ назначенные имъ номера, которые тотчасъ же были заперты на ключъ.

Номера, въ которыхъ помѣстили прибывшихъ, представляли изъ себя каждый комнату длиной въ 5, а шириной въ 2½ шага. У одной изъ стѣнъ прикрѣплена деревянная койка, у противоположной, въ углу, приколоченъ деревянный столикъ, нѣсколько больше квадратнаго аршина. Возлѣ стола — деревянная табуретка, рядомъ съ которой помѣщается ящикъ, въ кубическій аршинъ величиной, это — „парашка“ — необходимая принадлежность всѣхъ россійскихъ тюремъ. Противъ входной двери находится небольшое окно, съ двумя рядами стеколъ, изъ которыхъ нижній рядъ замазанъ снаружи сѣрой краской. Окно расположено на высотѣ роста средняго человѣка. Дверь довольно массивной конструкціи окована съ внутренней стороны сплошь листовымъ

желѣзомъ. Вверху двери пуговка отъ звонка, а посрединѣ квадратное отверстіе въ 1/4 аршина, запираемое плотно окованной желѣзомъ форточкой. Надъ дверьми сквозная въ корридоръ амбразура, въ которую на ночь ставится лампа. Всѣ номера въ такомъ же родѣ. Разница между ними лишь та, что расположенные на сѣверной сторнѣ корридора—нѣсколько больше; внутреннее устройство и мебель тѣ же.

Порядокъ, существующій въ обыденной жизни заключенныхъ, состоитъ въ слѣдующемъ: часовъ въ 6 утра лѣтомъ и въ 7 зимой надзиратель начинаетъ отпирать номера для того, чтобы заключенные привели ихъ въ порядокъ, т. е. вынесли парашки, подмели полы, а разъ въ недѣлю и помыли ихъ съ помощью швабры и постирали пыль. Это отпираніе номеровъ производилось всегда такъ, чтобы заключенные не могли видѣть другъ друга. Для достиженія цѣли, надзиратель отпиралъ номеръ, лежащій въ глубинѣ корридора, выпускалъ заключеннаго съ парашкой, а по возвращеніи давалъ ему щетку и отпиралъ номеръ, лежащій ближе къ входной двери. Обитатель этого номера продѣлывалъ то же, что и выпущенный передъ нимъ. Когда оба номера были выметены, они тщательно запирались, и надзиратель поступалъ такъ же съ двумя другими. Начиная съ этого времени, заключенныхъ выводили на прогулку. Гуляли въ трехъ мѣстахъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы гуляющіе, по возможности, не могли видѣть другъ друга, а если это когда-либо случалось, то даже простое раскланиваніе издали вызывало неудовольствіе на лицѣ надзирателя, а подчасъ и замѣчаніе. Во время прогулокъ, возлѣ каждаго гуляющаго все время торчалъ надзиратель, наблюдавшій

за нимъ. Номеровъ въ правой одиночкѣ, кромѣ занимаемаго надзирателями, пятнадцать, и всѣ они были заняты. Иногда при утреннихъ выпусканіяхъ кто-нибудь изъ проходящихъ по корридору заключенныхъ крикнетъ своему товарищу привѣтъ или освѣдомленіе о здоровьѣ. За такую дерзость всѣ, находящіеся на лицо, надзиратели, другъ передъ другомъ, накидываются на ослушника приказаній начальства. Такъ напримѣръ, на другой день по прибытіи новыхъ, о которыхъ мы упомянули въ началѣ разсказа, Мышкинъ*), проходя по корридору, кричитъ:

— Откуда вы, товарищи? по какому дѣлу и какъ ваши фамиліи?

— Ну, ну, иди, не останавливайся, не разговаривай, проваливай дальше — накидываются всѣ присутствующіе надзиратели, и пока Мышкинъ успѣваетъ выслушать отвѣтъ, его уже ухватили за руки и тащутъ...

Нужно вамъ знать, читатель, что въ комнатѣ, занимаемой надзирателями, на стѣнѣ была приклеена писанная инструкція за подписью смотрителя Грицылевскаго, благороднаго офицера въ отставкѣ, сподвижника Муравьева-Вѣшателя въ 60-хъ годахъ въ Литвѣ. Содержаніе инструкціи приблизительно слѣдующее:

„Каторжнымъ арестантамъ, заключеннымъ въ одиночныя „камеры, не позволять пѣть, свистать, говорить, читать „вслухъ; наблюдать, чтобы они не видѣлись другъ съ другомъ и вообще не имѣли между собою никакихъ сношеній. „Обращаясь къ нимъ съ чѣмъ-нибудь, надзиратели должны

*) Осужденъ особымъ присутствіемъ сената на десять лѣтъ каторжныхъ работъ по процессу 193-хъ.

„говорить непремѣнно „ты.“ О всякомъ неисполненіи заклю-
„ченнымъ требованія надзирателя немедленно докладывать
„мнѣ. За неисполненіе предписаннаго въ настоящей ин-
„струкціи съ виновнаго будетъ сдѣлано строгое взысканіе.

„Смотритель тюрьмы Грицылевскій.“

Прогулками пользуется каждый изъ заключенныхъ около часу времени два раза въ день. Часовъ около 10 разносятъ хлѣбъ. Отворяется дверная форточка, въ нее просовывается рука надзирателя съ $2^1/_2$ фунт. чернаго хлѣба, и изъ-за двери слышится голосъ: „бери хлѣбъ.“ Въ одиннадцать часовъ время обѣда. Раздаютъ его въ деревянныхъ посудахъ, именуемыхъ „бачками,“ вмѣстимостью въ 90 кубическихъ вершковъ. Содержимое этихъ „бачковъ“ состоитъ изъ такъ называемыхъ щей — мутной, темной водички съ обрывками мяса и капельками сала въ скоромные и со слѣдами конопляннаго масла въ постные дни. Кромѣ этихъ слѣдовъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ въ бачкѣ плаваютъ и лежатъ на днѣ кусочки рубленыхъ капустныхъ листьевъ, ткань которыхъ почти успѣла превратиться въ древесину. Послѣ обѣда раздается для питья вода или квасъ; впрочемъ, воду можно имѣть въ любое время. Послѣ обѣда опять начинается гуляніе въ томъ же порядкѣ, какъ и утромъ. Въ пять часовъ ужинъ, состоящій изъ той же мутной воды, въ которой капуста замѣнена крупой, съ тѣми же слѣдами сала или масла. Часовъ въ 6 — 7 номера запираются на всю ночь. Вначалѣ лампы не давались внутрь, а, какъ мы уже сказали, ставились надъ дверьми въ амбразурахъ. Освѣщеніе при такомъ порядкѣ настолько скудно, что о чтеніи нечего и думать. Впослѣдствіи, по просьбѣ нѣкоторыхъ заключенныхъ, имъ стали

давать до 9 часовъ лампы внутрь камеръ, послѣ чего онѣ ставились все таки на свое мѣсто.

Мы начали свой разсказъ со времени привоза послѣднихъ „политическихъ“ въ центральную тюрьму отчасти потому, что читатели уже нѣсколько знакомы съ порядками и съ происходившимъ здѣсь до этого времени изъ брошюры „Заживо погребенные“; отчасти потому, что съ этого времени много интереснаго стало въ жизни заключенныхъ, а отчасти потому, что какъ разъ съ этого момента терроръ начинаетъ систематизироваться, вызывая со стороны правительства новыя и новыя репрессаліи, неостающіяся безслѣдными и для обитателей каторжныхъ одиночекъ.

II

Четвертаго августа въ Петербургѣ былъ убитъ Мезенцевъ. Черезъ 2 — 3 дня, въ централкѣ, передъ разсвѣтомъ, когда въ одиночкахъ всѣ еще спали, амбразуры надъ дверьми были закрыты приспособленными для этой цѣли досками, камеры осторожно отворены и къ каждому обитателю номера ворвалось по два надзирателя, которые стали производить самый тщательный обыскъ. До этого времени, проживавшая въ Печенегахъ мать одного изъ заключенныхъ присылала кое-что изъ съѣстного для всѣхъ 28 человѣкъ политическихъ. Послѣ убійства Мезенцева это ей было воспрещено, и свиданія съ сыномъ, которыя ей давались одинъ разъ въ мѣсяцъ, прекращены.

У заключенныхъ, благодаря присылкѣ нѣкоторымъ изъ нихъ родными книгъ, образовалась небольшая библіотека, которой, разумѣется, пользовались всѣ.

При полученіи книгъ изъ библіотеки въ номера и при возвращеніи ихъ, онѣ каждый разъ подвергались самому тщательному перелистыванію. Всякій кусочекъ чистой бумаги вырывался изъ книгъ для того, чтобы воспрепятствовать сношеніямъ заключенныхъ между собой посредствомъ переписки. Не смотря на всѣ предосторожности, принимаемыя въ этихъ видахъ тюремной администраціей, желающіе все-таки переписывались. Какъ это происходило, мы, по очень понятной причинѣ, не объясняемъ. Предосторожности въ этомъ случаѣ доходили порой до глупости. Неудовлетворяясь вырываньемъ чистой бумаги изъ книгъ, смотритель сталъ замазывать чернилами даже тѣ чистыя страницы, на оборотной сторонѣ которыхъ есть текстъ. Принадлежности для письменныхъ занятій выдавались въ видѣ тетрадокъ, пронумерованныхъ и скрѣпленныхъ подписью смотрителя.

III

Ежедневная жизнь заключенныхъ тянулась съ ужаснымъ, доводящимъ до отупѣнія однообразіемъ. Сначала вновь прибывшіе обыкновенно набрасывались на книги, читали, изучали языки и т. п.; но скоро это начинало имъ надоѣдать. Организмъ уставалъ отъ такой односторонней работы: ему нуженъ былъ трудъ, кромѣ мозгового, мускульный, а его то и не было. И вотъ начинаются обращенія къ смотрителю, съ просьбой дать какую нибудь мускульную работу. Отвѣта на это заявленіе нѣтъ никакого.

Просьбы продолжаются, но безъ результата. Наконецъ такое положенiе становится невыносимымъ...

Вечеръ... Тишина почти абсолютная: всѣ чѣмъ нибудь заняты въ своихъ номерахъ. Вдругъ изъ 7-го номера, гдѣ сидитъ Мышкинъ, раздается громкiй голосъ, рѣзко отчеканивающiй каждое слово:

Я тре-бу-ю фи-зи-че-ска-го тру-да, я тре-бу-ю мускуль-ной ра-бо- ты!

Эти фразы повторяются разъ пять. Надзиратель подбѣгаетъ къ двери и въ свою очередь начинаетъ кричать:

„Замолчи, чего ты орешь? Перестань, а не то, я сейчасъ на тебя наручни надѣну"*).

Требованiе продолжается и на угрозы надзирателя не обращается вниманiе.

„Я тебѣ ротъ завяжу, если ты не замолчишь!"

Ноль вниманiя: Мышкинъ продолжаетъ свое требованiе, которое повторяется еще нѣсколько разъ. Объ этомъ происшествiи, конечно, доносится смотрителю, который повидимому пока ничего не предпринимаетъ для удовлетворенiя требованiя Мышкина.

На другой день повторяется та же исторiя, только съ другимъ финаломъ: съ вечерней прогулки Мышкинъ не возвращается, о чемъ обитатели одиночки узнаютъ отъ Плотникова*), который, проходя на другой день утромъ по коридору, кричитъ:

„Братцы! Мышкина у насъ украли: вчера онъ не почевалъ дома."

---

*) „Наручнями" называются цѣпи, надѣваемыя на руки; кольца, обхватывающiя руки повыше кистей, запираются замкомъ.

*) Осужденъ на пять лѣтъ въ каторжныя работы по дѣлу Долгушина.

„Иди, иди, проваливай, не разговаривай, а то самъ попадешь туда, гдѣ Мышкинъ", раздается грубый голосъ надзирателя.

Да, Мышкина украли: послѣ вечерней прогулки, вмѣсто возвращенія въ свою камеру, увели въ „главный корпусъ тюрьмы." Смотритель Грициклевскій удовлетворилъ требованію Мышкина, посадивъ дерзкаго въ карцеръ...

Пойдемте съ нами, читатель, и посмотримъ, что представляетъ изъ себя центральный каторжный карцеръ. Отворивъ подъѣздную дверь, мы очутимся въ широкомъ и длинномъ корридорѣ, въ обоихъ концахъ котораго, рядомъ съ окномъ, виднѣется по одной двери. Отворивъ любую изъ этихъ дверей, мы входимъ въ другой корридоръ, значительно меньшихъ размѣровъ: онъ служитъ умывальной комнатой и ведетъ въ отхожія мѣста. Стѣна, идущая вдоль середины этого корридора, раздѣляетъ его на двѣ половины, изъ которыхъ одна и есть умывальная комната, а другая, опять таки раздѣленная пополамъ, заключаетъ въ себѣ карцерный корридорчикъ и карцеры. Въ карцерахъ абсолютная темнота. Атмосфера насыщена аммiакомъ и сѣрнистымъ водородомъ, выдѣляющимися въ изобиліи изъ сосѣдняго отхожаго мѣста и ряжекъ, находящихся въ самыхъ карцерахъ, куда испражняются посаженные въ карцеры. Размѣры этихъ темныхъ клѣтокъ таковы, что, если человѣкъ средняго роста ляжетъ на полъ (а тамъ только и можно лежать, потому что, кромѣ ряжки, мебели никакой), то онъ ногами упирается въ дверь, а головой въ противоположную сторону. Расправивъ локти, онъ коснется обѣихъ боковыхъ стѣнокъ. Повавшему сюда дается въ пищу хлѣбъ и вода, коли-

чество которыхъ, начиная съ $1\frac{1}{2}$ фунта перваго можетъ быть уменьшено по усмотрѣнію начальства. Вотъ этимъ то самымъ карцеромъ Мышкинъ получилъ удовлетвореніе въ своемъ требованіи труда!...

Узнавъ объ этомъ, заключенные заволновались и потребовали къ себѣ смотрителя, который, явившись, сталъ заходить ко всѣмъ въ номера, гдѣ отъ каждаго долженъ былъ выслушать то или другое заявленіе по поводу Мышкина. Черезъ день Мышкинъ былъ выпущенъ, а черезъ два — заключенные получили возможность имѣть мускульную работу; имъ было позволено пилить и колоть дрова. Такъ какъ разрѣшено было работать одновременно только одному, то въ помощь ему давались уголовные арестанты изъ татаръ, не говорившіе по русски. Понятно, что такое занятіе не долго могло удовлетворять работающихъ. Пиленіе дровъ — трудъ, самъ по себѣ крайне безсмысленный, чисто механическій, требующій одного напряженія мышцъ. Кромѣ того, это трудъ не легкій, требующій большой траты силъ, которыя и безъ того не могли возстановляться вполнѣ, благодаря плохому и недостаточному питанію. Слѣдствіемъ этой работы явилась слабость, упадокъ силъ, общее разстройство организма, которое дѣлало еще болѣе невыносимыми тѣ тяжелыя условія, въ которыя были поставлены заключенные. Стали просить о разрѣшеніи заняться какими нибудь ремеслами, но всѣ эти просьбы оставались долгое время безъ удовлетворенія. До чего доходило желаніе администраціи изолировать другъ отъ друга заключенныхъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго: замѣтивъ, что нѣкоторые подставляютъ къ печи табуретки и переговариваются въ душникъ, Грицылевскій прика-

залъ приковать неподвижно, въ опредѣленныхъ мѣстахъ пола табуретки, хотя это представляло само по себѣ множество неудобствъ. Съ другой стороны, повидимому, проявлялась какая то заботливость о здоровьи заключенныхъ; заботливость, конечно, только на словахъ.

Проходитъ, напримѣръ, смотритель по двору мимо пилящаго дрова и видитъ, что работающій скинулъ куртку, хотя на дворѣ не тепло. „Ахъ, какъ же такъ можно! вѣдь такъ можно простудиться; (этотъ молодецъ, въ обыкновенныхъ случаяхъ, избѣгаетъ говорить „ты“ или „вы“, и потому выражается безличнымъ предложеніемъ): слѣдуетъ надѣть куртку“. Знаете, читатель, сопоставляя одно съ другимъ — приковыванье табуретокъ, сажанье въ карцеръ съ одной стороны и заботливость о здоровьи съ другой, невольно припоминаешь того палача, который, надѣвая на шею осужденнаго петлю, сталъ бы спрашивать, не жмутъ ли гдѣ ему веревки.

IV

Время идетъ, тянутся дни, похожіе одинъ на другой. Проходятъ недѣли, мѣсяцы.... Центральная одиночка оказываетъ свое дѣйствіе на всѣхъ обитателей. Чтеніе перестаетъ занимать: уставшій мозгъ отказывается работать. Обитатели номеровъ впадаютъ въ какую то апатію: по недѣлямъ не заглядываютъ ни въ одну книгу: многіе не ходятъ гулять. Это дурной признакъ. Тупая тоска, отчаяніе давитъ несчастныхъ; они съ каждымъ днемъ чувствуютъ до осязательности, какъ слабѣютъ силы; въ ихъ мозгъ

проникаетъ увѣренность, что одиночка будетъ ихъ могилой... Дорогой, милой, такъ страстно желанной свободы имъ не увидѣть больше...

А тамъ за тюремной стѣной, въ селѣ, въ темную лѣтнюю ночь кипитъ жизнь... Эхо ея врывается въ видѣ обрывка пѣсни, звука колокольчика проѣзжающей тройки или веселаго хохота въ открытыя окна и заставляетъ страдать наболѣвшую душу невольнаго отшельника... Отчаяніе становится безнадежнымъ, а жить такъ хочется... хочется жить, потому что не жилось... Время идетъ, наступаетъ глухая ночь, въ селѣ смолкаютъ пѣсни и все погружается въ тишину....

Э-э-э-хъ!.... раздается среди ночной тишины протяжный, тоскливый, отчаянный, хватающій за душу вопль изъ 4-го №. Какою жгучею болью отзывается этотъ вопль въ сердцахъ неспящихъ. Это Бочаровъ*), юноша 23 лѣтъ, приговоренный къ каторгѣ за демонстрацію на Казанской площади. Такіе стоны слышатся уже недѣли двѣ и днемъ, и ночью, очень часто. Врачъ, на вопросы другихъ товарищей Бочарова, говоритъ, что у него нервная горячка... Дни идутъ и все чаще и чаще слышатся тяжелые стоны и вздохи изъ четвертаго номера. Приходящему врачу Бочаровъ жалуется, что ему слышатся разные голоса, что онъ часто слышитъ, какъ гдѣ-то произносятъ его фамилію, какъ кто-то его зоветъ.

„Успокойтесь, это все ничего: ваше воображеніе нѣсколько разстроено; не думайте слишкомъ много о своемъ положеніи. Читайте, гуляйте, вообще не поддавайтесь“. „Я не могу читать, не хочу гулять,

*) Бочаровъ осужденъ на 10 лѣтъ.

потому что этотъ воздухъ, эта зелень, это небо, эта жизнь заставляютъ меня сильно чувствовать безотрадность моего положенія, заставляютъ меня еще сильнѣе страдать." „Ничего, вы только успокойтесь: принимайте бромистый калій, что я вамъ прописалъ и все пройдетъ." Но не такъ вышло, какъ увѣрялъ врачъ, не прошло. Не помогъ бромистый калій, ничто не помогло и не могло помочь, кромѣ свободы. Бочаровъ окончательно помѣшался.... „Чего вы пристали ко мнѣ, окаянныя? Убирайтесь вонъ! Надзиратель, прогони этихъ женщинъ! и кто это ихъ пускаетъ сюда безъ моего позволенія? Слышишь, чтобы ихъ больше не было здѣсь!" — кричитъ Бочаровъ на надзирателя. „Да тутъ никого нѣтъ; успокойся, Бочаровъ. Иди лучше гулять, а то ты все сидишь на мѣстѣ, вотъ тебѣ и представляется всякая всячина. Откуда тутъ быть женщинамъ?" Смеркается. Сумерки становятся все гуще и гуще. Гулявшіе всѣ возвратились въ свои камеры. Въ коридорѣ одиночекъ водворяется тишина...

Заиграйте, гусли, мысли,
Я вамъ пѣсенку спою,

слышится изъ 4-го номера. Съ каждой новой строчкой, съ каждымъ словомъ, съ каждымъ слогомъ, съ каждой, кажется, буквой, тонъ пѣсни становится страстнѣе...

Я вамъ пѣсенку спою
Про женитьбу про свою...

Въ голосѣ слышатся подавленныя рыданія, слышатся слезы. Но больной продолжаетъ:

Какъ женила молодца
Чужа дальна сторона...

„Э-э-э-хъ!... Варвары, за что вы меня мучаете? что я вамъ сдѣлалъ? Э-э-э-хъ!“.... и стонъ или вопль переходитъ въ настоящія рыданія. Больной страдалецъ громко рыдаетъ; онъ плачетъ, горячо плачетъ о гибнущей молодости, о пропадающей жизни, объ угасающемъ разсудкѣ. Въ темный хаосъ его безсвязныхъ мыслей, въ этотъ моментъ блеснулъ лучъ сознанія. Онъ, на секунду, въ состояніи понять весь неописанный ужасъ своего положенія. Сердце больно, больно сжимается, въ груди чувствуется стѣсненіе и онъ начинаетъ рыдать, горько рыдать...

Острую боль вызываютъ эти рыданія въ сердцахъ его товарищей по заключенію: нервная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу каждаго и душой его овладѣваетъ ужасное отчаяніе при мелькнувшей мысли о такой будущности для каждаго изъ нихъ.... На лицахъ, бродящихъ по корридору надзирателей, эти стоны, эти рыданія вызываютъ непріятную гримасу, и они лишь пожимаютъ плечами и киваютъ головами. Въ сущности, ихъ это мало волнуетъ; они привыкли къ такимъ сценамъ; они видѣли сумасшедшаго Гамова*), нѣкоторые изъ нихъ были надзирателями въ домѣ умалишенныхъ.

На мѣсто стараго врача поступилъ новый, военный, изъ того баталіона, который занималъ караулы въ тюрьмахъ. Это былъ молодой человѣкъ, сердце котораго не успѣло еще очерствѣть при постеляхъ больныхъ, и поэтому онъ обратилъ вниманіе на со-

---

*) Осужденъ на 8 лѣтъ каторжныхъ работъ по дѣлу Долгушина. Привезенный въ централку сошелъ съ ума и въ 1876 году умеръ.

стояніе Бочарова и хотѣлъ сдѣлать все для него возможное, чтобы спасти несчастнаго. Съ этой цѣлью онъ ѣздилъ въ Харьковъ и сообщилъ кому-то изъ высшей администраціи о видѣнномъ въ централкѣ. Ему отвѣтили, что Бочаровъ будетъ отправленъ въ лѣчебницу для душевно-больныхъ, а пока приказали ему наблюдать за больнымъ.

V

Часовъ десять утра. Три человѣка изъ одиночки гуляютъ по двору, а остальные у себя въ камерахъ заняты разными дѣлами: кто читаетъ, кто пишетъ, а кто не въ состояніи этого дѣлать, думаетъ тяжелую думу. Въ корридорахъ какой-то необычайный гулъ: слышится усиленное движеніе, топотъ ногъ и черезъ минуту звукъ отъ паденія на полъ кучи цѣпей... „Что это?" невольно задаетъ себѣ вопросъ каждый.

Отворяется дверь крайняго номера, слышенъ звукъ перебираемыхъ цѣпей и затѣмъ удары молота по наковальнѣ. Заковываютъ въ кандалы.*)

Тревожной надеждой забилось наболѣвшее сердце узниковъ. „Не въ Сибирь ли отправляютъ?" мелькнуло въ головѣ каждаго. „Ахъ, кабы въ Сибирь, на Сахалинъ, куда угодно, только бы вонъ изъ этихъ душныхъ, мрачныхъ конуръ, которыя съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ разрушаютъ наше здоровье, гу-

*) Въ кандалахъ ходили не всѣ и не всегда: это зависѣло отъ смотрителя, который заковывалъ и расковывалъ по своимъ соображеніямъ или по приказанію губернатора.

бить наши силы!..." Успокойтесь, несчастные! Ни въ Сибирь, ни на Сахалинъ, покуда васъ не повезутъ отсюда... Это пошатнулись основы россійскаго императорскаго государства, и ихъ хотятъ скрѣпить цѣпями, набиваемыми на ваши обезсиленныя ноги... Нѣсколько дней тому назадъ убитъ харьковскій губернаторъ Кропоткинъ за то, что приказалъ избить нагайками студентовъ; за то, что по его приказанію васъ мучили, душили, доводили до умопомѣшательства. И вотъ за то, что вы осмѣлились говорить „больно," когда васъ душили, за то, что вы не кланялись и не благодарили вашихъ палачей, на васъ за это надѣваютъ цѣпи... По очереди доходитъ до 13-го номера. Здѣсь сидитъ Свитычъ,*) которому наканунѣ докторъ вынулъ нѣсколько осколковъ кости изъ простреленной ноги. Приносятъ и сюда кандалы, примѣряютъ и начинаютъ заковывать. Отъ неловкаго удара молота по заклепкѣ сила его чувствуется въ больной ногѣ и вызываетъ гримасу на лицѣ заковываемаго. „Ф-ф-фъ," втягиваетъ въ себя воздухъ присутствующій при операціи старшій. „А что, больно? Нога-то, поди, не зажила еще? Ничего, продолжай." Опять раздаются удары молота, и дѣло скрѣпленія расшатанныхъ основъ продолжается...

VI

Глухая ночь... Угнетенные долгимъ днемъ гнетущей тоски и бездѣйствія спятъ обитатели „правой

*) Осужденъ на 8 лѣтъ каторжныхъ работъ Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ за вооруженное сопротивленіе на Садовой улицѣ, гдѣ Свитычъ и былъ раненъ выстрѣломъ въ ногу.

одиночки." Не спитъ только безпокойный жилецъ 4-го номера. Онъ бродитъ, какъ тѣнь, изъ угла въ уголъ своей конуры и что-то шепотомъ говоритъ съ собой. Въ корридорѣ, на табуреткѣ, прикорнулъ дежурный надзиратель и, мѣрно раскачиваясь, слегка похрапываетъ.

Трр-р-ахъ! слышится сильный ударъ въ дверь 4-го номера. Второй, третій, все чаще и сильнѣй. Задремавшій надзиратель вскочилъ на ноги и никакъ не можетъ сообразить, что дѣлается. Проснувшіеся жильцы другихъ номеровъ недоумѣваютъ и, тревожно оглядываясь, вслушиваются, стараясь объяснить себѣ раздающійся стукъ. Это стучитъ Бочаровъ. Въ больномъ своемъ мозгу онъ рѣшилъ, что добромъ ничего не подѣлаешь, и задался намѣреніемъ выйти на волю черезъ выбитую дверь. Онъ занятъ теперь именно этимъ выбиваніемъ. Потревоженный отъ сладкаго сна надзиратель выбѣжалъ въ одномъ бѣльѣ въ корридоръ и недоумѣваетъ, что дѣлать. Старшій подходитъ, наконецъ, къ двери 4-го номера и начинаетъ увѣщевать больного: „Бочаровъ, да перестань же ты, что ты дѣлаешь?" „Варвары, палачи, какъ вы смѣете меня здѣсь держать? я больше не хочу здѣсь оставаться." „Да куда ты ночью теперь пойдешь? У меня и ключей нѣту, чтобы тебѣ отворить. Перестань стучать, я тебѣ говорю." Больной не унимается; онъ все сильнѣе и сильнѣе колотитъ табуреткой въ дубовую, окованную дверь, и она дрожитъ и колеблется на своихъ прочныхъ петляхъ.

„А, такъ ты не хочешь слушаться, я тебѣ задамъ!" кричитъ старшій. Громко раздаются по корридору удары сумасшедшаго: онъ страстно желаетъ воли, и

эта страсть увеличиваетъ его силы, его энергію. Онъ продолжаетъ разбивать дверь.

Уходившій надзиратель возвратился съ ключами и привелъ еще нѣсколько своихъ товарищей. Вся ватага осторожно подвигается къ двери 4-го номера, и старшій тихонько поворачиваетъ ключъ въ замкѣ. Мгновенно, всей кучей, надзиратели напираютъ на дверь и ею отбрасываютъ стучащаго въ глубину комнаты. Ворвавшись туда, они, съ какимъ то остервенѣніемъ, кидаются на несчастнаго безумнаго, опрокидываютъ его на койку и начинаютъ душить, стараясь надѣть горячечную рубаху. Кости несчастнаго захрустѣли подъ тяжестью восьми здоровыхъ палачей; изъ наболѣвшей, придавленной груди вырвался хриплый стонъ....

До этого момента ничто не обнаруживало происходившаго съ другими заключенными. Но вотъ, во 2-мъ и 13-мъ номерахъ, почти одновременно, слышится рыданіе, сразу превратившееся въ хохотъ; у Чернявскаго*) и у Свитыча нервы не выдержали, и съ ними сдѣлались припадки, напоминающіе истерику... Во все время стука они дрожали, точно въ лихорадкѣ, и у каждаго изъ нихъ сжималось горло, и каждый сдерживаетъ прорывающіяся рыданія, до боли кусаетъ губы и все чего-то ждетъ. Но вотъ оно, ожидаемое: страшный стонъ придушеннаго — и рыданія прорываются наружу, сначала тихіе, подавленныя, какъ-бы про себя, они становятся все громче и громче и, наконецъ, разражаются неудержимымъ хохотомъ... Какъ страшенъ этотъ хохотъ!

---

*) Осужденъ на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ по дѣлу о демонстраціи на Казанской площади.

Какъ онъ напоминаетъ хохотъ безумнаго... Хохочащій силится сдержать его, онъ глотаетъ холодную воду, и все-таки не можетъ перестать хохотать... Изъ всѣхъ дверей слышатся звонки, стукъ, крики: „что вы дѣлаете съ нимъ, разбойники? Не трогайте его,, и т. п. Но надзиратели дѣлаютъ свое дѣло — вяжутъ Бочарова. Они связали его и удалились. Онъ, повидимому, успокоился, потому что въ его номерѣ не слышно больше никакихъ звуковъ. Въ другихъ номерахъ тоже начинаютъ успокаиваться. „А можетъ быть, они совсѣмъ прикончили его?" задаютъ себѣ многіе вопросъ. „Смотрителя сюда!" слышится изъ одного номера. Отворяется дверь, и входитъ смотритель блѣдный, взволнованный. „Что вы сдѣлали съ Бочаровымъ? Отвѣчайте; вы его задушили!" спрашиваетъ Свитычъ. „Зачѣмъ? Его никто не душилъ; онъ теперь спокойно спитъ." „Я не вѣрю, вы лжете." Лицо смотрителя искривилось нехорошей гримасой оскорбленнаго начальства, но, сообразивъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ въ ненормальномъ состояніи духа, онъ принимаетъ равнодушный видъ и говоритъ: „Можно удостовѣриться, что его никто не душилъ." „Можно? я пойду къ нему въ номеръ. Можно?" Говорившій, дѣйствительно, идетъ въ 4-й номеръ и видитъ Бочарова лежащимъ на койкѣ въ полномъ спокойствіи, какъ будто бы за 5 минутъ передъ тѣмъ съ нимъ ничего не случилось. Бѣдный больной, онъ уже забылъ о только что происходившемъ съ нимъ....

VII

„Централисты“ узнали объ убійствѣ Кропоткина на третій или четвертый день. Какія чувства пробудилъ этотъ фактъ въ сердцахъ заключенныхъ, мы считаемъ лишнимъ говорить. По полученіи этого извѣстія, Здановичъ*), одинъ изъ осужденныхъ по московскому процессу 50-ти, въ запискѣ къ товарищамъ обратился съ вопросомъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять въ виду настоящаго факта. „Мы обязаны, писалъ онъ приблизительно, протестовать въ какой-нибудь формѣ противъ всѣхъ тѣхъ мерзостей, которыя продѣлываютъ съ нами. Но для того, чтобы протестъ нашъ не былъ чѣмъ-то оторваннымъ, мнѣ кажется, мы должны сначала обратиться къ „дѣдушкѣ“ и узнать, какъ онъ посмотритъ на него, и что имъ будетъ послѣ предпринято.“ Подъ „дѣдушкой,“ въ данномъ случаѣ, подразумѣвалась воля. Эта записка ходила по рукамъ, и каждый высказывалъ о ней свое мнѣніе. При одной изъ передачъ товарищами одинъ другому, она была перехвачена надзирателемъ и представлена Грицылевскому. Послѣдній, при своихъ посѣщеніяхъ Здановича, ничѣмъ не высказалъ, что записка у него, и что авторъ ея ему извѣстенъ; онъ, напротивъ, очень любезно и мягко обращался со Здановичемъ, предлагалъ исполнить кой-какія его порученія въ Харьковѣ и вообще старался ничѣмъ не обнаружить своихъ намѣреній. Черезъ

---

*) Осужденъ на 6 лѣтъ каторги.

2—3 дня по возвращеніи смотрителя изъ Харькова, раннимъ утромъ, онъ заходитъ въ комнату къ Здановичу и требуетъ его тетрадь. Последнему уже была извѣстна судьба записки, но теперь онъ понялъ, что дѣлу данъ, что называется, оффиціальный, законный ходъ. И дѣйствительно, часовъ около десяти утра Здановича потребовали въ тюремную контору, гдѣ ему пришлось увидѣть давно знакомую картину: жандармскаго офицера, сидящаго за столомъ, покрытымъ бумагами. „Разскажите, обратился офицеръ къ Здановичу, все, что вы знаете о своей запискѣ, а затѣмъ я попрошу васъ сдѣлать нѣкоторыя разъясненія непонятныхъ намъ мѣстъ и кличекъ, встрѣчающихся въ вашей запискѣ." „Ни о самой запискѣ, ни о непонятныхъ вамъ мѣстахъ и кличкахъ въ ней я не намѣренъ вамъ ничего говорить."—„Какъ знаете, но, я думаю, вы сдѣлали бы лучше, давъ нужныя показанія." — „Я очень хорошо знаю, что меня ожидаетъ за мой отказъ; я знаю, что меня могутъ заковать въ кандалы, обрить голову и т. п., но тѣмъ не менѣе вы ничего отъ меня не узнаете."

Помилуйте, г. Здановичъ, да мы вѣдь не имѣемъ по закону никакого права принуждать васъ давать показанія. Вы напрасно думаете, что за это съ васъ могутъ взыскивать." — „Ну, ладно, разсказывайте, что хотите..."

Здановичъ былъ уведенъ обратно въ свою камеру, а дня черезъ два явился смотритель съ бумагой отъ новаго харьковскаго губернатора, фонъ Валя, сподвижника Берга по усмиренію возставшей, во имя свободы, Польши. Въ этой бумагѣ говорилось, что если Здановичъ не дастъ нужныхъ показаній, то набить на него кандалы, перебрить ему голову и ли-

шить переписки съ родными. Конечно, все это было приведено въ исполненіе, такъ какъ Здановичъ ничего не сказалъ. Расправившись такимъ образомъ съ лѣвой одиночкой, смотритель хотѣлъ позондировать и правую. Для этой цѣли онъ подсылаетъ милаго батюшку, тюремнаго попа, который, побывавъ въ двухъ-трехъ номерахъ, заходитъ въ седьмой, къ Мышкину, съ которымъ, въ откровенномъ тонѣ, заводитъ разговоръ о Кропоткинѣ, желая услышать что-нибудь объ этомъ предметѣ. Будучи все время въ крайне-раздражительномъ настроеніи, какъ и каждый изъ сидѣвшихъ въ „одиночкѣ," Мышкинъ начинаетъ высказывать одобрительные отзывы попу о самомъ фактѣ убійства. Попу только этого и нужно было; онъ немедленно отправился къ смотрителю и донесъ обо всемъ въ подробности. Смотритель сдѣлалъ свое распоряженіе: у Мышкина, заболѣвшаго нѣсколько дней тому назадъ лихорадкой и переведеннаго вслѣдствіе этого на больничное положеніе*), отнимаютъ тюфякъ, служившій ему, какъ больному, постелью, заковываютъ въ кандалы и бреютъ половину головы. Больной можетъ спать на голыхъ доскахъ, закованный въ цѣпи.

VIII

Начальство тюрьмы ждетъ новаго губернатора. По всей централкѣ идетъ чистка, приведеніе въ поря-

*) Записанные на больничное положеніе получали для постели соломенный тюфякъ, расковывались, если были въ кандалахъ, и получали больничную пищу.

докъ: метутъ дворъ, бѣлятъ стѣны, посыпаютъ пескомъ дорожки: вообще стараются прикрыть всѣ грѣхи, предстать предъ лицо начальства въ благообразномъ видѣ. Даже арестантамъ выдали, вмѣсто лохмотьевъ, нѣчто, дѣйствительно, похожее на куртки. Ожиданіе это началось уже давно. Давно уже все суетится въ централкѣ, а губернаторъ все не показывается. Наконецъ наступилъ давно жданный день. Еще съ утра предупрежденный какимъ-то благожелателемъ изъ Харькова, смотритель бѣгаетъ по двору и отдаетъ приказанія. Надзиратели вырядились въ „форму" и похаживаютъ, все обдергиваясь и подтягиваясь. Все приняло какой-то торжественный видъ: даже обѣдъ и ужинъ оказались лучшаго качества, чѣмъ обыкновенно: должно быть, поваръ-арестантъ поусердствовалъ ради пріѣзда начальства. „Одиночки" тоже почистились, пріумылись. Тамъ тоже чувствуется ожиданіе. Надзиратели, торжественно настроенные, почему-то начинаютъ ходить на цыпочкахъ, начинаютъ говорить полушепотомъ....

Прошелъ обѣдъ; обитатели номеровъ принялись за свои обычныя занятія, которыя сегодня идутъ что-то плохо. Мысль не хочетъ ни на чемъ остановиться. Одиночка ждетъ: нервы ея нѣсколько напряжены.... Вотъ слышно, какъ стоящій подъ окномъ солдатъ гаркнулъ: „здравья желаю ваше-ство." Въ коридорѣ волненіе. Кто- то громкимъ шепотомъ произноситъ „идетъ." Всѣ надзиратели вытягиваются въ струнку и затаили дыханіе... Слышенъ звонъ шпоръ и бряцаніе сабли... „Здорово, ребята!" раздается въ корридорѣ рѣзкій голосъ.

„Здравья желаемъ, ваше превосходительство!" — отчетливо произносятъ надзиратели.

Генералъ фонъ-Валь подходитъ къ 16-му номеру. Старшій быстро подбѣгаетъ къ двери, проворной рукой поворачиваетъ въ замкѣ ключъ и открываетъ дверь.

„Какъ фамилія?“ — обращается генералъ къ подобострастно тянущемуся за нимъ слѣдомъ смотрителю.

„Цицiановъ*), ваше превосходительство!“

Съ фуражкой на головѣ, съ руками въ карманахъ, Валь вступаетъ въ камеру Цицiанова. Послѣдній, при входѣ посѣтителей, подымается съ табуретки и поворачивается лицомъ къ вошедшимъ. Одною рукой онъ слегка облокотился на столъ.

„Здравствуй!“

Безмолвный поклонъ со стороны Цицiанова. На лбу генерала появляются морщины, очи мечутъ молніи, превосходительные усы зашевелились... Подобострастный холуй-смотритель замѣчаетъ недовольство генерала, силится угадать предметъ этого недовольства, впивается глазами въ пространство, по которому направленъ генеральскій взоръ. Но тщетно: ничего не можетъ угадать.

Томительная пауза.

„Какъ ты стоишь?“ — съ раздраженіемъ въ голосѣ, наконецъ, произноситъ Валь. „Развѣ такъ нужно стоять передъ начальствомъ? Вотъ какъ нужно!“ И генералъ, быстро вынувъ руки изъ кармановъ, вытягиваетъ ихъ „по швамъ.“ Холуй Грицылевскій, сообразивъ теперь суть губернаторскаго недовольства, стремглавъ кидается къ Цицiанову, смотрище-

---

*) Осужденный на 8 лѣтъ каторги по московскому процессу 50.

му на все это съ улыбкой, и старается вытянуть и ему руки вдоль швовъ.

„Вотъ такъ нужно" — лепечетъ вслѣдъ за своимъ принципаломъ смотритель, оглядываясь на Валя и какъ бы ища въ его глазахъ одобренія своему усердію. Генералъ доволенъ: онъ не сознаетъ всей глупости и комизма настоящей сцены, и вытянувъ грудь, поднявъ самодовольно голову, съ видомъ Юпитера, удаляется изъ камеры.

Отворяется слѣдующій номеръ. Еще и еще одинъ; всюду выслушиваетъ генералъ почти одинаковыя просьбы объ освобожденіи отъ одиночнаго заключенія, о разрѣшеніи заниматься ремеслами. Но вотъ онъ доходитъ до 7-го номера, занимаемаго Мышкинымъ.

„Не имѣешь ли чего заявить"? — обращается къ послѣднему его превосходительство.

„Да, имѣю!" И Мышкинъ начинаетъ жаловаться на плохую пищу, на недостатокъ движенія, свѣта, воздуха; говоритъ, какъ разрушительно дѣйствуютъ на организмъ всѣ эти недостатки въ связи съ одиночествомъ.

„Самъ виноватъ, не нужно было такъ поступать, какъ ты поступалъ."

„Ну, такъ души же, души насъ, души!" кричитъ со страстнымъ, злобнымъ отчаяніемъ жилецъ 7 номера.*)

Храбрый генералъ, разрушитель беззащитнаго дворца Замойскаго въ Варшавѣ, озадаченъ, испуганъ, оскорбленъ.

Вѣрный холуй смотритель, вообразивъ, что новой „основѣ" грозитъ опасность, кидается въ дверь съ

*) За это Мышкинъ, по приказанію Валя, былъ посаженъ на однѣ сутки въ карцеръ.

цѣлью заслонить грудью, если нужно, эту „основу“. Но генералъ уже успѣлъ оправиться: глупая улыбка ошеломленности еще не сбѣжала съ его лица, но онъ поднялъ уже голову и съ гордостью выходитъ въ корридоръ. Валь не заходитъ уже въ другіе номера. Мимо, не надо больше: онъ заходитъ въ „лѣвую одиночку“.

Первымъ желаніемъ генерала было поспѣшить въ номеръ, гдѣ сидѣлъ Здановичъ. Желаніе генерала предупредительно исполняется: онъ въ 25-мъ номерѣ.

„Ну, что же ты себѣ думаешь? Ты развѣ совсѣмъ не хочешь открыть намъ, кто это дѣдушка?“

„Нѣтъ, не хочу!“

„Вотъ видишь ли, ты въ кандалахъ, съ бритой головой; ты лишенъ переписки съ матерью, у тебя нѣтъ письменныхъ принадлежностей; тебѣ стоитъ лишь сказать одно слово и получить сейчасъ облегченіе. Скажи!“

— „Нѣтъ, не скажу!“

Валь пожимаетъ плечами и затрудняется, что бы ему еще сказать. Здановичъ начинаетъ ему говорить о несправедливости всѣхъ тѣхъ стѣсненій, которымъ его подвергали: онъ начинаетъ доказывать всю незаконность, даже съ точки зрѣнія Уложенія о Наказаніяхъ, этихъ мѣръ. Генералъ приходитъ въ волненіе: кусаетъ губы, подергиваетъ плечами...

„А, такъ ты не знаешь, не знаешь?!!“ — восклицаетъ генералъ. „Дать ему Уставъ о Ссыльныхъ!“ — обращается онъ къ смотрителю и удаляется изъ номера.

Онъ заходитъ въ слѣдующій, еще въ одинъ, другой, наконецъ въ семнадцатый. Здѣсь сидитъ Быдаринъ*). Генералъ подходитъ къ нему и спраши-

*) Осужденъ былъ Особымъ Присутствіемъ на 5 лѣтъ каторги за распространеніе книгъ революціоннаго содержанія между рабочими.

ваетъ, не имѣетъ ли тотъ чего заявить. Заявленія Быдарина тѣ же, что и всѣхъ; онъ проситъ освободить его отъ одиночнаго заключенія, изъ централки, выслать его въ Сибирь и т. д.

„Я знаю, чего тебѣ хочется, чего тебѣ надо. Открой . . . . *), ты понимаешь, о чемъ я говорю".

„Нѣтъ, не понимаю!"

„. . . . . . *) въ запискѣ Здановича. Открой мнѣ его, и я сдѣлаю все съ своей стороны, чтобы твои просьбы были исполнены; я буду ходатайствовать за тебя у высшаго начальства."

„Во первыхъ, генералъ, я ничего не знаю о запискѣ Здановича, а во вторыхъ, если бы и зналъ, не сказалъ бы. Я не подлецъ, не доносчикъ."

Генералъ смущенъ; онъ нѣсколько растерялся. Подленькая улыбка, съ которой онъ говорилъ съ Быдаринымъ, играетъ на его лицѣ, и онъ, кивая головой и направляясь къ выходу, говоритъ еще:

„Смотри, пожалѣешь!"

Недѣли черезъ двѣ послѣ посѣщенія губернаторомъ центральной тюрьмы смотритель заходитъ въ камеру Здановича и подаетъ ему письмо отъ матери и при немъ оффиціальную бумагу. Содержаніе письма какое то странное; въ этомъ письмѣ мать Здановича пишетъ, чтобы онъ раскаялся, не огорчалъ начальства, не огорчалъ ея, лишая возможности знать, что съ нимъ, не подвергалъ себя лишнимъ страданіямъ. Она совѣтуетъ ему исполнить

---

*) Пропускъ въ рукописи. Вѣроятно „кто такой дѣдушка" или что нибудь въ этомъ родѣ.

*) Пропускъ въ рукописи.

желаніе начальства и открыть фамиліи лицъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своей злосчастной запискѣ... Въ офиціальной бумагѣ, подписанной Валемъ, говорилось, что съ исполненіемъ желанія матери и начальства онъ получитъ право опять вести переписку съ ней, получитъ письменныя принадлежности, будетъ раскованъ и не бритъ.[1])

Вся эта исторія состроена Валемъ. Старуха, мать Здановича, получаетъ однажды офиціальную бумагу отъ харьковскаго губернатора, въ которой ей предлагаютъ написать сыну письмо вышеприведеннаго содержанія, намекая, что въ противномъ случаѣ ему будетъ плохо.

Спустя еще недѣли двѣ, совсѣмъ неожиданно, въ номеръ Здановича входитъ какой то генералъ и съ любезной улыбочкой спрашиваетъ, получилъ ли онъ письмо отъ матери и намѣренъ ли отвѣчать ей. Тотъ заявляетъ, что, конечно, ему очень бы хотѣлось писать матери, но на условіяхъ, которыя предлагаетъ Валь, онъ не можетъ.

„Мнѣ, знаете, все это безразлично; я въ это совсѣмъ и не вмѣшивался бы, но генералъ фонъ Валь просилъ меня поговорить съ вами, и я вотъ исполняю его просьбу" — отрапортовало новое превосходительство и, съ легкостью Сильфиды, исчезло изъ 25-го номера.

Исторія съ запиской еще не кончилась: Валь никакъ не могъ успокоиться. Видя, что ничего не подѣлаешь, онъ рѣшилъ попробовать *послѣднее средство*.

---

[1]) Здановичъ оставался закованнымъ до самой осени, въ которую „централисты" были отправлены въ Мценскую пересыльную тюрьму.

Здановичу высылался „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Для сбереженія денегъ по пересылкѣ, редакція этого журнала высылала за одинъ разъ двѣ книжки, за два мѣсяца. Остроумный генералъ выдумалъ испытать свое *послѣднее средство* на „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Въ декабрѣ Здановичъ получилъ одну ноябрскую книжку журнала и оффиціальную бумагу отъ Валя, гдѣ говорится, что декабрская книжка не будетъ выдана ему до тѣхъ поръ, пока не откроетъ фамиліи лицъ, упомянутыхъ въ его запискѣ.

IX

Второго апрѣля произошло покушеніе Соловьева. Слухи о немъ очень скоро достигли ушей обитателей „центральныхъ одиночекъ". Слухи эти подтвердились еще болѣе осязательно тѣмъ, что къ жившимъ въ Печенѣгахъ матери и невѣстѣ Витаневскаго, одного изъ заключенныхъ, ночью врывается толпа жандармовъ и полицейскихъ, шаритъ и шохаетъ повсюду и, ненашедши ничего колеблющаго „основы", удаляется, приказавъ матери выѣхать, куда хочетъ, и уводя невѣсту, которую запираютъ въ харьковскую тюрьму. Отсюда Мержанова (фамилія невѣсты) была выслана административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь.

Свиданія съ родными были безусловно запрещены и всѣмъ, имѣвшимъ родственниковъ въ числѣ сидѣвшихъ въ „одиночкахъ" политическихъ преступниковъ, воспрещенъ былъ въѣздъ въ Харьковскую губернію, а жившимъ тамъ приказано выѣхать. Пос-

лѣ 2-го апрѣля, въ Россіи были учреждены „временныя генералъ-губернаторства.“ Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ Лорисъ- Меликовъ, который, вскорѣ по пріѣздѣ на мѣсто, командировалъ одного изъ своихъ генераловъ для осмотра центральныхъ тюремъ. Опять началась чистка, опять уборка и приведеніе въ благообразный видъ тюрьмы и ея обитателей. Одиночка опять подбѣлилась; лишній разъ помылись полы, посмылась пыль, опять ея нервы приходятъ въ нѣкоторое напряженіе; она ждетъ. Она слышала, что теперь будетъ генералъ-губернаторъ. Авось онъ что нибудь сдѣлаетъ. Надо попытаться... Жилецъ 16 номера, въ особенности, нетерпѣливо ждетъ. Онъ торопливо шагаетъ изъ угла въ уголъ своей кануры, нервно потираетъ руки и прислушивается. Глаза его блестятъ, на лицѣ отражается надежда на что-то. Онъ почти увѣренъ, что его просьба будетъ исполнена, и на его лицѣ появляется свѣтлая, радостная улыбка... Вотъ уже сколько времени онъ чувствуетъ постепенный упадокъ силъ, энергіи. Голова работаетъ съ каждымъ днемъ все хуже. Онъ чаще и чаще чувствуетъ себя неспособнымъ читать что либо; мысли его не могутъ сосредоточиться на содержаніи книги, онѣ начинаютъ становиться безсвязными, отрывочными, и черезъ эти клочки мыслей, рѣзкою черною нитью проходитъ только сознаніе, что жизнь его кончится здѣсь, въ одиночкѣ... Перспектива медленной смерти заставляетъ его сильно страдать; онъ ищетъ выхода изъ этого положенія и находитъ; онъ рѣшился обратиться къ генералу съ одной просьбой. И вотъ мысль о возможности исполненія этой просьбы вызываетъ радостную улыбку на его лицѣ.

Открывается дверь, и на порогѣ появляется сѣренькая фигурка меликовскаго генерала.

„Не имѣете ли чего заявить?“ — обращается генералъ къ Цицiанову.

„Да имѣю. Я прошу у васъ одной милости, которую оказать мнѣ вы можете очень легко: я прошу у васъ для себя смертной казни. Такъ жить, какъ меня заставляютъ, т. е. медленно умирать, для меня невыносимо; я прошу сократить мои страданiя, я прошу себѣ смертной казни!“...

На добродушномъ лицѣ сѣренькаго генерала отражается неподдѣльный ужасъ, и онъ не въ состоянiи ничего отвѣтить; онъ выходитъ. Отозвавъ въ сторону смотрителя, онъ освѣдомляется у него:

„Неужели имъ такъ худо здѣсь жить, что смерть кажется лучше?“

„Нѣтъ, Ваше Превосходительство, это балуетъ: имъ у меня отлично жить.“

Этотъ подлый нахалъ, будучи уже исправникомъ въ Конотопскомъ уѣздѣ Черниговской губернiи, разсказывалъ сестрѣ одного изъ бывшихъ обитателей одиночекъ, что у него „политическимъ“ было жить превосходно, что онъ, не смотря на строгiя инструкцiи, дѣлалъ имъ массу облегченiй.

Генералъ, озадаченный нѣсколько въ 16 номерѣ, съ неохотой идетъ дальше. Слова смотрителя заронили въ его душу нѣкоторое сомнѣнiе; онъ плохо выслушиваетъ просьбы объ освобожденiи изъ одиночнаго заключенiя, о разрѣшенiи заниматься ремесломъ. Отворяется дверь въ 13-й номеръ.

„Не имѣете ли чего заявить?

„Да. Кромѣ тѣхъ просьбъ, съ которыми, вѣроятно, къ вамъ обращались и другiе мои товарищи, я

просилъ бы васъ еще объ одномъ: въ 4 номерѣ сидитъ Бочаровъ. Онъ помѣшался. Не смотря, какъ мнѣ извѣстно, на хлопоты бывшаго здѣсь одно время врача, больного не переводятъ въ Харьковъ на излеченіе. Я просилъ бы васъ сдѣлать объ этомъ распоряженіе. Бочарова еще можно, кажется, спасти".

„Вы можете сдѣлать заявленіе только лично отъ себя и только о томъ, что касается васъ одного" — съ нахальнымъ видомъ вмѣшивается сопровождающій генерала какой то хлыщъ-прокуроръ.

„Бочаровъ можетъ самъ за себя говорить."

„Нѣтъ, онъ *не можетъ* этого сдѣлать; онъ уже не сознаетъ своего положенія."

„Во всякомъ случаѣ вы можете говорить только о касающемся васъ лично. А о другихъ вамъ нечего заботиться; для этого есть начальство."

„Если такъ, если для васъ нужны только личныя, эгоистическія побужденія, то я согласенъ иначе формулировать свою просьбу: мнѣ важенъ главнымъ образомъ результатъ. Я прошу васъ перевести въ Харьковъ, для излеченія, Бочарова, потому что его присутствіе здѣсь раздражаетъ меня; его стукъ, его стоны, его рыданія, его безсвязный бредъ заставляютъ меня страдать."

Нахалъ прокуроръ замолчалъ; онъ не находитъ никакихъ возраженій. Генералъ въ недоумѣніи переминается нѣсколько секундъ и что то мычитъ. Затѣмъ, любезно раскланявшись, уходитъ.

„Какой это у васъ сумасшедшій, развѣ есть такой?" — обращается опять генералъ къ смотрителю.

„Точно такъ, Ваше Превосходительство! О немъ

было доложено въ свое время и теперь, пока находится подъ наблюденіемъ врача."

„Давно ли онъ помѣшался?"

„Нѣтъ, не очень давно, Ваше Превосходительство!"

Уже мѣсяцевъ пять, какъ Бочаровъ выказывалъ признаки умопомѣшательства...

X

Изъ всѣхъ животныхъ высшаго порядка, кажется, только человѣкъ способенъ лучше и скорѣе всего приспособиться ко всякимъ условіямъ. Человѣческій организмъ орьентируется лучше другихъ во всякомъ данномъ положеніи. Хирургъ, съ нѣкоторой дрожью рѣжущій на полѣ сраженія первыя раздробленныя руки и ноги, впослѣдствіи смотритъ на эти изуродованныя части живаго человѣческаго тѣла, какъ на простые объекты, къ которымъ онъ прилагаетъ свои знанія.

Толпа, глазѣющая на быстро разростающіяся кровавыя пятна на бѣлой глазной повязкѣ и груди разстрѣленнаго или на предсмертныя судороги повѣшеннаго, въ первый разъ волнуется, возмущается, выказываетъ сочувствіе къ жертвѣ и ненависть къ ея палачамъ. Вторая, третья казнь уже не производитъ на нее такого впечатлѣнія; нервы ея притупились; она приспособилась къ новымъ, необычнымъ условіямъ; условія эти становятся для нея обычными. Для того, чтобы привести ее въ прежнее волненіе, для того, чтобы вызвать въ ней тѣ же, что и въ первый разъ, чувства, нужно что нибудь новое:

новая форма казни, пожалуй, приведетъ ее въ настроеніе, подобное первому... Люди всюду остаются людьми...

Свѣтлая лунная ночь начала осени. Въ открытую оконную форточку четвертаго номера каторжной одиночки вливается пріятная прохлада. Гулко раздаются въ холодномъ воздухѣ ночи мѣрные шаги часового, расхаживающаго подъ окнами. Больной жилецъ 4-го номера неподвижно лежитъ на постели и думаетъ мучительную думу. Больной мозгъ его работаетъ неправильно: мысли формулируются неясно, обрываются иногда на половинѣ или быстро перескакиваютъ съ одного предмета на другой, не имѣющій самаго отдаленнаго отношенія къ первому. Бѣдняга напрасно силится сосредоточиться на одномъ предметѣ, который его мучитъ уже въ продолженіи цѣлой недѣли безсонныхъ ночей; онъ старается поймать этотъ предметъ; неясныя формы гдѣ то вдалекѣ мелькаютъ передъ нимъ, онъ не можетъ ихъ различить.

„Ахъ! какъ это мучительно! Вѣдь отъ разрѣшенія этого вопроса, отъ яснаго представленія этого предмета зависитъ мое спасеніе“—шепчетъ больной.

Гвоздемъ засѣла эта таинственная мысль въ его мозгу и онъ напрасно силится придать ей форму. Онъ напрягаетъ всѣ усилія больного мозга и вотъ, вотъ, ему кажется, онъ разрѣшитъ такъ долго мучащее его.

Въ открытую форточку, вдругъ, врываются звуки веселой, залихватской пѣсни села. Эти звуки коснулись слуха такъ усиленно занятаго разрѣшеніемъ своей тайны Бочарова и сразу спутали его мысли

спутали какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, казалось, онъ достигалъ такъ страстно желаннаго спасенія. Онъ взбѣшенъ... Быстро вскакиваетъ онъ съ постели, подбѣгаетъ къ окну, при помощи табуретки взбирается на подоконникъ и, прииикнувъ лицемъ къ холодному желѣзу рѣшетки, кричитъ.... „Мерзавцы, подлецы, замолчите! Несмѣть распѣвать!"

„Ну, ты, арестантская морда, чего кричишь?" — раздается грубый голосъ часового подъ окномъ. „Полѣзай долой съ окна, а то я тебѣ зубы прикладомъ выбью!"

„Какъ ты смѣешь, щенокъ, обращаться со мной, вѣдь"... въ этотъ моментъ вопросъ, такъ давно мучившій больную душу страдальца, разрѣшается; онъ мгновенно открываетъ то, что такъ давно занимало его: онъ не просто Бочаровъ, онъ — русскій императоръ. — Вѣдь я твой императоръ! Ты не знаешь этого, болванъ! Я прикажу тебя разстрѣлять за твою дерзость!"...

Проснувшійся отъ сладкой дремоты надзиратель быстро соображаетъ въ чемъ дѣло, и выбѣжавъ на дворъ, успокаиваетъ расходившагося часового:

„Это сумасшедшій, говоритъ онъ солдату, ты не слушай его и не бойся; онъ ничего не сдѣлаетъ. Покричитъ и перестанетъ."

Нѣсколько успокоенный солдатъ отходитъ отъ окна Бочарова, но все еще продолжаетъ ворчать:

„Ишь ты, сумасшедшій!? Коли онъ сумасшедшій, такъ зачѣмъ его держать въ тюрьмѣ: ему мѣсто не здѣсь, а въ сумасшедшемъ домѣ" — разсуждаетъ безхитростно логически озадаченный часовой. „Эхъ! служба... служба!"..... вздыхаетъ онъ тяжело и на-

чинаетъ опять свою однообразную прогулку взадъ и впередъ.

Слѣзшій съ окна Бочаровъ быстро ходитъ по комнатѣ. Въ его мозгу все больше и больше выясняется тайна, занимавшая его въ продолженіи прошлой недѣли: онъ пріобрѣтаетъ все большую и большую увѣренность въ томъ, что онъ русскій императоръ. Какъ это просто теперь представляется. Странно, что онъ до сихъ поръ этого не могъ формулировать! Что было этому причиной? Этотъ вопросъ ему необходимо разрѣшить. Это не трудно. Ему такъ тяжело было сдѣлать это открытіе, потому что мѣшали условія. Надо избавиться отъ нихъ. Онъ подходитъ къ двери и начинаетъ неистово стучать кулаками: онъ сдѣлалъ бы это табуреткой, но она наглухо прибита къ полу.

„Надзиратель, мерзавецъ! — кричитъ онъ — отвори дверь. Я больше не долженъ здѣсь сидѣть: я императоръ! Слышишь, подлецъ? Я твой императоръ! ты долженъ слушаться меня. Ты не понимаешь? я разъясню тебѣ: Романовъ Александръ убитъ; Сибирь, откуда я родомъ, избрала меня императоромъ; Россія тоже признаетъ меня. Еще не всѣ меня признали, но это скоро будетъ. Отвори лучше сейчасъ, а то прійдетъ народъ и освободитъ меня, и тогда тебѣ горе будетъ"...

Дубовая дверь слегка вздрагиваетъ подъ ударами обезсиленныхъ рукъ мученика. Удары эти слышны во всѣхъ номерахъ: всѣ жильцы одиночки проснулись. Они дрожатъ отъ волненія на своихъ постеляхъ, но это волненіе не такъ сильно, какъ въ первый разъ: оно не приводитъ къ истерикѣ.... Нервы одиночки притупились; она приспособилась къ стуку

и бреду Бочарова; на душахъ ея жильцовъ наросли мозоли, защищающіе ихъ отъ волненія. Одиночкѣ нужно что нибудь новое, чтобы вызвать въ ней волненіе, подобное тому, что было при первомъ стукѣ Бочарова. Это новое не заставитъ себя долго ждать: условія для его появленія такъ благопріятны...

XI

Семь часовъ утра. Номера новой одиночки почти всѣ выметены, остался только пятый. „Старшій“ отворяетъ дверь и даетъ щетку живущему здѣсь Соколовскому. Соколовскій — полякъ, рабочій. Въ 1863 году, въ качествѣ жандарма-вѣшателя, онъ, по приказанію „Центральнаго комитета“, казнилъ какого то русскаго баши-базука — полковника, звѣрствовавшаго „за вѣру, царя и отечество“ въ Польшѣ. Арестованный подъ чужимъ именемъ, Соколовскій былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. По амнистіи онъ возвратился на родину, гдѣ его односельчане „страха ради іудейска“ донесли на него русскимъ властямъ. Его схватили, какъ приговореннаго заочно на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ, привезли въ Печенѣги и бросили въ одиночку, въ 5-й номеръ. Человѣкъ мало развитой, плохо знающій русскую грамоту, Соколовскій даже не могъ пользоваться единственнымъ удовольствіемъ, предоставленнымъ въ распоряженіе обитателей одиночекъ—книгами. Ему приходилось жить исключительно своими собственными мыслями, которыя, понятно, сосредоточивались на его несчастіи. Онъ сознавалъ, что родины, дорогой родины ему больше никогда не видать. Г[illegible] такъ

хорошо! Весеннее солнце весело играетъ на крестахъ небольшого костела роднаго села. По воздуху, пропитанному ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ, разносятся волны звуковъ, идущихъ отъ болтающихся колоколовъ костела. Онъ, разодѣтый по праздничному, съ молитвенникомъ въ рукахъ идетъ въ костелъ. Рядомъ съ нимъ идетъ его милая, ждавшая его изъ Сибири въ продолженіи 8 лѣтъ. Кругомъ раздается радостная польская рѣчь, такъ пріятно ласкающая его слухъ. Счастье для него такъ близко; онъ начинаетъ его уже испытывать, и.... вдругъ, — жандармы, полиція, кандалы, арестантскіе вагоны, тройка и центральная одиночка... Какъ ужасно настоящее, какъ ужасно будущее въ далекой холодной Сибири!... Нѣтъ, такъ быть не можетъ; его не могутъ здѣсь держать: онъ амнистированъ; амнистія была и для Соколовскаго: его здѣсь держатъ противозаконно. Ему, въ началѣ, кажется какъ сквозь сонъ, что онъ читалъ даже указъ о своемъ прощеніи. Неясность этого представленія разсѣевается мало по малу, и съ каждымъ днемъ, ему все яснѣе и яснѣе видится этотъ указъ. Съ каждымъ днемъ увѣренность въ амнистіи растетъ въ Соколовскомъ и.... наконецъ, всѣ сомнѣнія исчезли...

Окончивъ выметать комнату, онъ выходитъ въ корридоръ, ставитъ щетку къ стѣнѣ, и обращается къ старшему:

„Ну, Яковъ Ивановичъ, давайте ка мнѣ мои вещи."

„Какія вещи?"

„Мои собственныя вещи: мое бѣлье, мое платье, я больше не хочу у васъ оставаться, пойду на родину."

„Не дури, Соколовскій: куда ты пойдешь? ты пойдешь въ 5-й номеръ, тутъ твоя родина.“

„Нѣтъ, Яковъ Ивановичъ, вы не шутите, давайте изъ цехгауза мои вещи!“

Одиночка прислушивается съ напряженнымъ вниманіемъ. Ей непонятно такое требованіе; она забыла, что для нея можетъ быть другое платье, кромѣ арестантской куртки.

„Иди, иди, Соколовскій, скоро будутъ возвращаться гуляющіе, тебѣ нельзя тутъ оставаться.“

„Я пойду домой, ты только отдай мнѣ вещи.“

Выведенный изъ терпѣнія упорствомъ помѣшаннаго, надзиратель пробуетъ силой втолкнуть въ номеръ Соколовскаго. Но Соколовскій силенъ, старику „старшему“ не совладать съ нимъ. Дежурный „младшій“ бѣжитъ на помощь, но и вдвоемъ они ничего не могутъ подѣлать. Младшій бѣжитъ на дворъ, сзываетъ еще человѣкъ трехъ своихъ товарищей, и соединенными усиліями десяти здоровыхъ рукъ Соколовскій водворенъ въ пятомъ номерѣ. Но онъ не согласенъ здѣсь оставаться, онъ хватаетъ табуретку и начинаетъ колотить въ дверь. Подъ сильными ударами здоровыхъ рукъ его, табуретка разбилась въ мелкіе куски, онъ подбираетъ осколки и продолжаетъ уже ими свое дѣло.

Старшій докладываетъ Грицылевскому о случившемся, тотъ приходитъ и убѣждается, что съ Соколовскимъ не ладно...

Да, съ Соколовскимъ неладно... Соколовскій помѣшался... Онъ стучитъ каждый день, каждый разъ, когда идетъ повѣрка, когда проходитъ „общій старшій“, когда проходитъ смотритель, экономъ, попъ. Соколовскій стучитъ. Изломанную табуретку замѣ-

пястъ тяжелая дубовая крышка отъ параши. Для обитателей номеровъ тоже становится яснымъ, что Соколовскій помѣшался.

Болѣзненно отдается въ сердцѣ заключеннаго этотъ стукъ, каждый дрожитъ отъ этихъ звуковъ, и въ усталомъ мозгу зарождается страшная мысль, что сумасшествіе начинаетъ принимать эпидемическій характеръ...

Соколовскій пошелъ на прогулку. Онъ ходитъ взадъ и впередъ по отведенной ему въ тюремномъ саду дорожкѣ. Проходитъ часъ, и приставленный надзиратель зоветъ гуляющаго въ номеръ.

„Не пойду я въ номеръ, я пойду на родину; принеси мои вещи" — возражаетъ Соколовскій.

„Иди, иди въ камеру, не дури; никакихъ тебѣ нѣтъ вещей".

„Нѣтъ, не пойду, отдай мои вещи!"

„Сидоренко, пошли тамъ человѣкъ четырехъ этихъ надзирателей и самъ приходи" — обращается наблюдающій за Соколовскимъ надзиратель къ проходящему — „не идетъ домой, да и шабашъ; надо утащить, а двоимъ намъ не справиться."

Посланный Сидоренко приводитъ нужныхъ людей и они подхватываютъ подъ руки, берутъ за ноги упирающагося Соколовскаго и несутъ. Онъ барахтается, вырывается, но не въ силахъ ничего сдѣлать. Идущій сзади надзиратель иногда дастъ „подзатыльника" упирающемуся, и вся эта процессія направляется къ зданію одиночки.

„Пустите меня, мерзавцы! Что вы меня тащите, палачи?" — раздается въ корридорѣ голосъ Соколовскаго. „За что ты меня бьешь, палачъ? Ты не бей меня; что я тебѣ сдѣлалъ?"

Притупившіеся нѣсколько нервы одиночки опять начинаютъ раздражаться. Изъ многихъ номеровъ раздаются звонки.

„Что вы съ нимъ дѣлаете, подлецы? Зачѣмъ вы его бьете? Развѣ вы не знаете, что онъ больной человѣкъ? Неужели у васъ совсѣмъ нѣтъ сердца, что вы можете истязать больного?" — раздается то изъ того, то изъ другого номера.

„Да мы его не трогаемъ" — съ притворной искренностью отвѣчаютъ они.

„Его никто не трогаетъ" — увѣряетъ старшій, смотритель, попъ и прочіе.

Одиночка сквозь окованную дверь не можетъ провѣрить справедливость этихъ увѣреній: она привыкаетъ къ стуку Соколовскаго, къ его крикамъ, къ стону Бочарова; нервы ея устали...

Соколовскій стучитъ, ругается каждый день, онъ не хочетъ задохнуться, онъ протестуетъ противъ того дикаго насилія, жертвой котораго сдѣлался...

XII

Изъ четвертаго номера давно уже не слышно протеста. Жилецъ его притихъ. Уже съ недѣлю, какъ онъ, стащивъ съ койки соломенный тюфякъ, бросилъ его къ противоположной стѣнѣ на полъ и легъ на него. По нѣскольку дней Бочаровъ не ѣстъ ничего. Принесенный хлѣбъ и чашка больничнаго супа уносятся нетронутые на другой день или, при передачѣ въ дверную форточку, опрокидывается и ошпариваетъ руки подающаго. Нѣсколько разъ Соколовскій громко кричитъ, что ему подсыпаютъ въ пищу

какихъ то порошковъ, что его хотятъ отравить. Бочаровъ это слышалъ; въ его больномъ мозгу не возникло никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи и онъ лишь подумалъ, что то же могутъ продѣлать и съ нимъ, русскимъ императоромъ. Онъ не прикасается къ пищѣ. Съ каждымъ днемъ силы его слабѣютъ, организмъ разрушается. Больной пересталъ ходить по комнатѣ, потому что безсильныя ноги дрожатъ и отказываются служить; онъ легъ и лежитъ...

Мертвая тишина царитъ въ одиночкѣ; обитатели ея давно уже спятъ. Уже далеко за полночь. Не спитъ только русскій императоръ четвертаго номера каторжной одиночки; онъ лежитъ съ широко открытыми глазами и, по видимому, о чемъ то думаетъ. Отрывки неясныхъ мыслей летятъ, перегоняя другъ друга, путаясь. Передъ умственнымъ взоромъ страдальца изрѣдка мелькаютъ картины прошлаго... Видитъ онъ раскинувшійся на берегу широкой рѣки городъ. Далеко до него изъ Россіи; верстъ тысячъ пять будетъ. Это его родной городъ, это Иркутскъ мелькнулъ въ его воображеніи. Рисуется передъ нимъ уютный домикъ на одной изъ улицъ этого города. и тамъ, въ чистенькой свѣтлой комнатѣ сидитъ онъ, восьми-лѣтній мальчикъ, и возлѣ него нѣжно любимая мать. Она учитъ его читать... Вотъ промелькнули передъ нимъ его гимназическіе годы обрывками... Въ концѣ города, на выѣздѣ, стоятъ желтыя каменныя ворота. Онъ, гимназистикомъ-подросткомъ, съ такими же подростками, проходитъ въ эти ворота... Они подходятъ къ берегу быстрой Ангары, катящей свои зеленоватыя волны въ Енисей. Вотъ лодка; они садятся въ нее и быстро несутся

по теченію. Какъ хорошо онъ себя чувствуетъ; весело на душѣ...

Лихорадочно блестящіе глаза больного сіяютъ при этихъ воспоминаніяхъ дѣтства, и на его лицѣ рисуется слабая улыбка блаженства.... Но больной мозгъ не можетъ долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ; мысль оборвалась и на лице падаетъ опять тѣнь безумія: оно принимаетъ видъ безжизненности... Но опять мелькаютъ картины. Студенчество, Казанская площадь, красное знамя съ надписью „Земля и Воля" и потомъ мракъ, мракъ и мракъ...

„Погибла ты, моя молодость!" — проносится въ его мозгу, и больное сердце сжимается при этой мысли. На глазахъ страдальца показываются слезы и онъ тихо начинаетъ рыдать...

Безсонная ночь пролетѣла. Сѣрый разсвѣтъ глядитъ въ окно 4-го номера. Бочаровъ все въ томъ же положеніи. Въ замкѣ его двери поварачивается ключъ, дверь распахнулась и на порогѣ показывается фигура смотрителя.

„Ну, какъ здоровье, Бочаровъ?"

Больной не отвѣчаетъ и продолжаетъ мутнымъ взоромъ смотрѣть въ пространство. Слѣдомъ за смотрителемъ показывается фигура надзирателя съ узломъ, повидимому, платья на спинѣ. Онъ входитъ въ камеру и бросаетъ узелъ на полъ.

„Бочаровъ, — обращается Грицылевскій — встань, вотъ принесли твое платье, переодѣнься: ты поѣдешь отсюда."

Словно электрическая искра пробѣжала по тѣлу больного: онъ озирается кругомъ и дѣйствительно узнаетъ свое платье. Быстро приподымается онъ съ полу, подбѣгаетъ къ узлу и дрожащими руками ста-

рается развязать его, но неудачно: обезсиленныя руки не повинуются; пальцы не могутъ сжиматься съ достаточной энергіей, и онъ жалобно смотритъ на надзирателя. Тотъ сообразилъ въ чемъ дѣло и быстро развязываетъ узелъ. Судорожно хватаетъ больной то ту, то другую принадлежность одежды и торопливо одѣвается. Окровавленная, заскорузлая рубаха, носящая на себѣ слѣды бойни на Казанской площади и въ участкѣ, надѣта. За ней идетъ другое бѣлье, платье и, наконецъ, Бочаровъ одѣтъ. Старшій тщательно закутываетъ ему шею шарфомъ и они выходятъ въ корридоръ, на дворъ, за тюремныя ворота. У воротъ стоитъ тройка. Возлѣ нея, поджидая, переминаются озябшіе жандармы. Подошедшій Бочаровъ, отъ слабости, не можетъ самъ взобраться на телѣгу; жандармы его подсаживаютъ, взбираются сами слѣдомъ за нимъ. Усѣлись. „Трогай!“ Зазвенѣлъ колокольчикъ, и Бочарова не стало въ Новобѣлгородской каторжной одиночкѣ...

Вы думаете, вѣроятно, читатель, что Бочарова повезутъ въ Харьковъ на излеченіе. Вы жестоко заблуждаетесь. Нѣтъ, не въ Харьковъ лечиться его повезли. *Изъ Новобѣлгородской централки его перевели въ Новоборисоглѣбскую*... Здѣсь, въ одиночкѣ, послѣ мучительнаго мѣсяца, онъ окончилъ свои страданія смертью...

Соколовскій стучитъ. Подъ мощнымъ ударомъ дубовой крышки дверь дрожитъ, шатается. Еще нѣсколько ударовъ, и она разлетится въ куски. Страстное желаніе увидѣть родину оказалось сильнѣе ду-

ба и желѣза: дверь подалась. Но отъ этого пользы мало для Соколовскаго. Изъ пустого теперь 4-го номера вынесена табуретка, снята и вынесена крышка отъ парашн; разбивать дверь не будетъ чѣмъ. Соколовскаго переводятъ въ четвертый номеръ, а оттуда, черезъ мѣсяцъ, тоже въ Новоборисоглѣбскую каторжную одиночку...

XIII

Центральную тюрьму посѣтилъ Галкинъ-Враскій, начальникъ главнаго тюремнаго управленія. Побывалъ онъ въ одиночкахъ. Обитатели номеровъ говорили ему о своемъ положеніи, о томъ гибельномъ вліяніи, какое на нихъ имѣетъ одиночное заключеніе, просили о разрѣшеніи заниматься ремеслами. Вскорѣ послѣ его посѣщенія принесли въ пустой пятый номеръ столярный верстакъ, нѣсколько инструментовъ и доски. Устроена мастерская; въ ней можно лишь работать одному, по очереди. Съ жадностью накинулись жильцы номеровъ на столярную работу; изъ-за очереди произошли пререканія, споры — *борьба за существованіе*... Но не долго продолжалось это рвеніе. Столярный трудъ не легокъ. Ослабѣвшія мышцы не въ состояніи сокращаться въ достаточной степени; они не въ состояніи съ достаточной силой водить пилу, стругъ. Мало по малу накинувшіеся съ такой жадностью на работу начинаютъ отставать, и постоянныхъ посѣтителей мастерской становится человѣка 2—3, ранѣе привыкшихъ къ такому труду...

XIV

Одиночка дѣлаетъ свое дѣло.... Она, какъ вампиръ, высасываетъ кровь своихъ обитателей, мучитъ и сушитъ ихъ мозгъ... Соколовскій не послѣдній помѣшанный... Раздается звонокъ въ 3-мъ номерѣ. Звонитъ Донецкій*).

„Чего тебѣ?“ — спрашиваетъ подошедшій надзиратель.

„Позовите мнѣ смотрителя!“

Послѣдній мѣсяцъ Донецкій ведетъ какой то странный образъ жизни: онъ не читаетъ никакихъ книгъ; по цѣлымъ днямъ спитъ, а ночью прохаживается изъ угла въ уголъ по своей камерѣ. Иногда онъ что то строчитъ. Надъ его койкой, на стѣнѣ виситъ портретъ Дагмары, датской принцесы, нынѣшней русской императрицы.

„Это моя сестра по духу — говоритъ онъ вошедшему смотрителю, — я съ ней часто бесѣдую, совѣтуюсь съ ней. Вотъ видите ли, г-нъ смотритель, я сдѣлалъ величайшее открытіе, которое приведетъ къ спасенію всего человѣчества; я открылъ величайшій міровой законъ. У меня все записано; я вамъ прочту. Впрочемъ нѣтъ, я лучше такъ разскажу. Я открылъ, что я *центръ міра*. Всѣ, самыя отдаленныя событія находятся въ прямомъ отношеніи ко мнѣ; они связаны невидимой нитью съ моимъ существованіемъ. Видите ли, я родился 29-го числа,

---

*) За перевозку изъ-за границы запрещенныхъ сочиненій осужденъ на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ.

мѣсяцъ тутъ не при чемъ; по моимъ вычисленіямъ, міръ сотворенъ 29-го; Жуковскій родился 29-го; Пушкинъ умеръ 29; Уложеніе Алексѣя Михайловича издано 29; начало осады Троицкой Лавры 29; взятіе Варны 29; усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи 29, и я вамъ могу привести еще массу другихъ фактовъ болѣе крупнаго свойства изъ эпохи реформаціи, изъ великой французской революціи и т. п. У меня все это записано. Вы потрудитесь представить это мое открытіе начальству. Я знаю, что вслѣдствіе этого всѣ люди станутъ братьями. Вся вражда, все неравенство въ мірѣ происходитъ отъ того, что люди не знаютъ, гдѣ центръ. Я этотъ центръ — я! Вы только непремѣнно отошлите мои тетради."

Тетради Донецкаго дѣйствительно были отосланы въ Харьковъ главному психіатру.

XV

Воскресенье. Весело перезваниваютъ на тюремномъ дворѣ колокола. Попъ собирается служить обѣдню. Въ 11-мъ номерѣ звонокъ.

„Что тебѣ, Плотниковъ*)?" — спрашиваетъ подошедшій къ 11-му номеру надзиратель.

„Я хочу въ церковь."

„Хорошо." „Онгаревъ, проводи Плотникова въ церковь" — говоритъ старшій дежурному надзирателю.

Плотниковъ въ сопровожденіи надзирателя отправляется въ тюремную церковь слушать обѣдню. Дав-

*) Плотниковъ осужденъ на пять лѣтъ каторжныхъ работъ (дѣло Долгушина).

но уже въ больномъ мозгу Плотникова началась работа. Онъ все размышлялъ о своемъ положеніи, и рѣшилъ наконецъ, что такъ жить, какъ онъ до сихъ поръ жилъ, нельзя. „Все, что ни существуетъ, существуетъ вслѣдствіе воли божества“ — разсуждаетъ онъ. „Настоящій строй есть тоже воля божія. Бороться съ богомъ преступно: нужно ему покориться, а не бороться. Онъ хочетъ, чтобы между людьми не было равенства, и мы не имѣемъ права стремиться къ достиженію его. Я стремился къ этому и я согрѣшилъ; я долженъ каяться.“ Часто сталъ зазывать Плотниковъ въ свой номеръ попа, котораго всѣ остальные прогнали; часто бесѣдуетъ съ нимъ и все на предыдущую тему. Глупый, жадный попъ не соображаетъ, что разсудокъ Плотникова шатается, что онъ свихнулся. Попъ видитъ въ перспективѣ „наперстный крестъ“ за обращеніе атеиста*), онъ мысленно пишетъ статью въ „Православное Обозрѣніе“ объ этомъ обращеніи; онъ уже предвкушаетъ удовольствіе отъ предстоящихъ ему благъ. Соблазнительная перспектива заставляетъ его все болѣе и болѣе укрѣплять больную мысль жильца 11-го номера въ одномъ и томъ же направленіи. Плотниковъ давно уже ничего не читалъ: онъ перестaлъ перестукиваться съ сосѣдями и однажды, когда Студзинскій**) вздумалъ ему стучать, Плотниковъ передалъ черезъ надзирателя, чтобы Студзинскій ему не мѣшалъ, не стучалъ, потому что это противно инструк-

*) Плотниковъ на судѣ на вопросъ: какого онъ вѣроисповѣданія, отвѣчалъ, что онъ атеистъ.

**) Осужденъ на четыре года каторжныхъ работъ по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Одессѣ (дѣло Ковальскаго).

ціи. „Инструкція существуетъ, стало быть, она угодна богу: а чтобы угодить богу, надо исполнять инструкцію.“ Въ силу той же логики, когда на гуляньи кто-нибудь изъ товарищей кланяется ему, онъ не отвѣчаетъ или проситъ не кланяться, потому что это противно инструкціи. Мы сказали, что Плотниковъ давно не читаетъ. Да, попъ знаетъ объ этомъ и вотъ притаскиваетъ ему разныя богословскія сочиненія, приноситъ ему „Четьи Минеи,“ вымышленныя и дѣйствительныя жизнеописанія душевнобольныхъ людей. Разстроенному мозгу Плотникова это чтеніе приходится больше всего по вкусу: онъ жадно набрасывается на него и читаетъ, читаетъ. Онъ выпрашиваетъ для себя у смотрителя постную пищу. Онъ начинаетъ ходить каждое воскресенье, каждый праздникъ въ церковь, простаиваетъ тамъ цѣлую службу, кладетъ земные поклоны, молится. Вотъ и теперь онъ припалъ лицомъ къ холодному грязному полу и молится: „Господи, я согрѣшилъ тяжко передъ Тобою, я осмѣлился воспротивиться Твоей святой волѣ; я осмѣлился считать несправедливымъ дѣло рукъ Твоихъ — существующій соціальный строй. Прости мнѣ, Боже! Ты добръ, Ты милосердъ, Ты не хочешь смерти грѣшника, Тебѣ пріятнѣе его покаяніе. Я каюсь, горько сожалѣю о своихъ заблужденіяхъ. Прости меня!“ И въ больную душу страдальца прокрадывается лучъ надежды: онъ начинаетъ надѣяться на прощеніе прогнѣваннаго божества. Ему представляется почему-то, что централку долженъ посѣтить наслѣдникъ русскаго царя. На Александра II онъ не надѣется; нѣтъ, онъ ждетъ его наслѣдника....

Звонокъ изъ 11-го номера.

„Чего тебѣ, Плотниковъ?“ — спрашиваетъ ходившій по коррилору старшій.

„Дайте мнѣ, пожалуйста, щетокъ сапожныхъ и ваксы.“

„Зачѣмъ тебѣ?“

„Нужно почистить коты.“

„Что ты, сдурѣлъ, зачѣмъ ихъ чистить? Да и нѣтъ тутъ никакихъ щетокъ, ни ваксы!“

Въ одиночку за чѣмъ-то приходитъ смотритель. Плотниковъ проситъ его зайти. Тотъ заходитъ.

„Г-нъ смотритель, я просилъ дать мнѣ ваксы и щетокъ, но мнѣ отвѣтили, что этого не полагается. Мои коты порыжѣли, потрескались и вообще приняли неприличный видъ; не можете ли вы быть такъ добры и приказать мнѣ выдать новые?!“

„Хорошо. Сабининъ, выдать Плотникову новые коты“ — обращается смотритель къ старшему.

Плотниковъ получилъ новые коты; онъ любуется на нихъ, бережетъ ихъ. Проходя по корридору, онъ ими слегка поскрипываетъ. Сидящіе тутъ надзиратели начинаютъ подтрунивать надъ Плотниковымъ:

„Ишь ты его — монахъ, монахъ, а франтитъ: новые коты ему непремѣнно дай. Ишь ты, прифрантился, да еще со скрипомъ. Вотъ такъ монахъ! Го, го, го, го, го!“ — разражаются они громкимъ хохотомъ...

Глупцы, они не понимаютъ, для чего ему понадобились болѣе приличные коты. Онъ ждетъ наслѣдника русскаго царя; онъ надѣется отъ него свободы, спасенія... Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ не дождется этого желаннаго момента; онъ еще усерднѣе молится богу, еще усерднѣе кладетъ поклоны... „Наслѣдника“ все нѣтъ, а бѣдный безумецъ все ждетъ. Читая какой то дикій разсказъ въ своихъ „Четьи

Минеяхъ," онъ наталкивается на ту мысль, почему его молитва до сихъ поръ не услышана, почему ея не достаточно. Нужны страданія, страданія физическія. По прежнему ходитъ Плотниковъ въ церковь, но всякій разъ, проходя по корридору, онъ все сильнѣе и сильнѣе хромаетъ. Надзиратели замѣчаютъ это; они спрашиваютъ у него о причинѣ хромоты, но онъ имъ ничего не говоритъ. Еще разъ идетъ Плотниковъ въ церковь и еле еле волочитъ правую ногу.

„Что у тебя съ ногой? — спрашиваетъ старшій.

„Ничего" — сконфуженно отвѣчаетъ „монахъ."

„Какъ ничего, отчего ты хромаешь?"

„Такъ себѣ."

„Какъ, такъ себѣ? Покажи-ка мнѣ ногу!"

„Нѣтъ, оставьте, мнѣ такъ хорошо."

„Нѣтъ, братъ, такъ нельзя. Покажи!"

Развязана надзирателями веревочка, удерживающая на ногѣ котъ, развернута тряпка, въ которую обернута нога, и глазамъ надзирателей представляется что-то неестественно дикое: на самомъ сгибѣ ступни громадная, величиной въ ладонь, гноящаяся, вонючая язва. Посрединѣ ея, врѣзавшись до обнаженныхъ сухожилій, лежитъ обвязанная вокругъ щиколки тоненькая бичевка... Плотниковъ умилостивлялъ своего бога.

Сдѣлана перевязка, отняты коты; запрещено выходить изъ номера. Плотниковъ молится у себя, сидя на койкѣ. Ему начинаетъ казаться, что молитва его услышана, что „наслѣдникъ" уже ѣдетъ, что онъ уже здѣсь. Плотниковъ обернулся къ стѣнѣ и шепчетъ:

„Ваше высочество, мнѣ только нужно скромное

мѣстечко въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Мнѣ не нужно большого содержанія: лишь бы я имѣлъ ежедневно нѣсколько болѣе $^1/_3$ фунта мяса, $2^1/_2$ ф. хлѣба, 3 неклеванныхъ, немного гороху. Вотъ и все.“

Быстро, быстро шепчетъ онъ одно и то же, помахиваетъ головой, улыбается и, наконецъ, фыркаетъ... Онъ на секунду сознаетъ свое ужасное положеніе, и изъ замученной души вырывается протестъ:

„Какое вы имѣете нравственное право держать меня здѣсь? Вы не имѣете никакого права!“—громко вскрикиваетъ онъ.

Но опять прежній мракъ заслоняетъ разсудокъ, опять онъ отворачивается къ стѣнѣ и продолжаетъ свою нескончаемую бесѣду съ наслѣдникомъ...

XVI

Звонокъ. Надзиратель подходитъ къ 8-му номеру.

„Что тебѣ нужно, Боголюбовъ*)?“

„Что у васъ тутъ такъ отвратительно воняетъ?“

„Гдѣ?“

„Да здѣсь, чертъ возьми! Здѣсь, въ корридорѣ, въ моей камерѣ. Открой форточку!“

„Она открыта; открыты и вьюшки въ печахъ, и здѣсь ничѣмъ не воняетъ; тебѣ это кажется.“

„Кажется, мерзавецъ, кажется! Нѣтъ, не кажется, а дѣйствительно воняетъ. Мерзавцы!“

*) Осужденъ по дѣлу о демонстраціи на Казанской площади на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. Высѣченъ по приказанію Трепова 13-го іюля 1877 года.

У Боголюбова начинаются галлюцинаціи обонянія; онъ вступаетъ на путь Бочарова, Донецкаго, Соколовскаго, Плотникова. Такимъ образомъ у него начинается помѣшательство....

Изъ правой одиночки его переводятъ въ лѣвую: тамъ онъ начинаетъ доходить до *настоящей* точки. Онъ тамъ начинаетъ испытывать крѣпость нервовъ своихъ сожителей. Кошнинъ — новый смотритель — съ своей стороны не замедлилъ доставить къ этому случай.

Сегодня суббота. Съ утра по одиночкамъ ходитъ старикъ цирюльникъ и брееть заключенныхъ. Очередь дошла до номера, въ которомъ сидитъ Боголюбовъ. Отворяется дверь, и, въ сопровожденіи старшаго, цырюльникъ входитъ въ камеру. Боголюбовъ не обращаетъ на вошедшихъ вниманія и, сидя на своей табуреткѣ, о чемъ то думаетъ.

„Боголюбовъ—обращается къ нему старшій—поди бриться."

„Я не хочу бриться. Пошли вонъ, мерзавцы! Вы хотите меня зарѣзать, я знаю!"

„Не дури, Боголюбовъ, а садись къ свѣту и дай побрить себя."

„Убирайся къ черту, мерзавецъ! Я сказалъ, что не хочу."

„А, такъ ты не хочешь, такъ не хочешь! Идите-ка сюда, — обращается старшій къ торчащимъ въ корридорѣ надзирателямъ — помогите его обрить."

Четверо здоровыхъ тюремщиковъ, готовыхъ по приказанію на все, входятъ, по приглашенію старшаго, въ комнату. Старшій еще разъ кричитъ на Боголюбова, еще разъ приказываетъ ему позволить обрить себя. Но Боголюбовъ твердитъ одно: онъ не хочетъ

быть зарѣзаннымъ. Въ его больномъ мозгу, еще подъ вліяніемъ криковъ Соколовскаго въ правой одиночкѣ, зародилась мысль, что его хотятъ извести во что бы то ни стало. Ему часто думалось, что его хотятъ отравить, и иногда онъ отказывался отъ пищи. Благодаря начавшимся у него галлюцинаціямъ обонянія, ему думалось, что его хотятъ задушить, заставляя вдыхать какіе-то отвратительно пахнущіе газы. Цырюльникъ, пришедшій съ бритвой, непремѣнно, по его мнѣнію, пришелъ его зарѣзать. Ему хочется еще жить; даже теперь, когда онъ видитъ желаніе его извести, ему хочется жить сильнѣе, чѣмъ прежде, когда его не преслѣдовали.

Боголюбовъ, въ сущности, не ошибается, что его хотятъ извести; извести хотятъ всѣхъ запертыхъ въ каторжныхъ одиночкахъ, въ петропавловскихъ казематахъ и т. п., но не такими прямыми, быстро дѣйствующими средствами, какъ ядъ или бритва. Это слишкомъ прямыя, слишкомъ явныя средства, которыя пока не освящены русскимъ закономъ и робкимъ молчаніемъ общества. Есть другія, *вполнѣ законныя*, не такъ несложныя, какъ ядъ и бритва: казематы Петропавловской крѣпости — русской Бастиліи, европеизированный „домъ предварительнаго заключенія“, грязные, холодные, сырые этапы и тюрьмы глухой Сибири, каторжныя одиночки, — средства, освященныя закономъ и рабскимъ молчаніемъ общества, мало по малу, тихо, безъ шума, незамѣтно дѣлающія свое дѣло — изводятъ по одному своихъ обитателей...

Но больной мозгъ помѣшаннаго не въ состояніи сообразить этого: онъ знаетъ одно, что его хотятъ заморить, и этого достаточно. Средства для этой

цѣли всѣ пригодны, и все, напоминающее о возможности достиженія цѣли, немедленно возбуждаетъ его подозрѣнія. Поэтому онъ и не хочетъ бриться сегодня, онъ не хочетъ добровольно подставлять шею подъ бритву.

„Боголюбовъ, я въ послѣдній разъ говорю, чтобы ты далъ себя побрить."

„Пошли вонъ, палачи! Я не дамъ себя рѣзать!"

„Возьмите его!" — обращается старшій къ вошедшимъ. Вошедшіе надзиратели кидаются на Боголюбова и начинается борьба. Боголюбовъ страстно хочетъ жить: онъ не дастся палачамъ, онъ борется съ ними. Ахъ, еслибы ему его прежнія силы! Какъ бы онъ разметалъ этихъ безголовыхъ исполнителей приказаній начальства! Но централка оставила свои слѣды и на упругости мускуловъ Боголюбова: онъ борется, онъ напрягаетъ всѣ усилія, но напрасно.... Борьба обезсиливаетъ его, а здоровые тюремщики дѣйствуютъ дружно. Они свалили Боголюбова на полъ и насѣли ему на грудь, выворотивъ предварительно руки; двое ухватили его за гогову и держатъ...

Старикъ цырюльникъ дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ; его старую солдатскую душу, видавшую на своемъ вѣку всю мерзость „николаевской службы", возмущаетъ это зрѣлище; онъ не сталъ бы брить бѣднаго больного, ему жаль его: онъ готовъ отказаться отъ совершенія этой глупой, безсмысленной по отношенію къ больному, операціи, но не можетъ: изба безъ крыши, больная жена, голодныя дѣти, которымъ нуженъ хлѣбъ, стоющій такъ дорого, заставляютъ его сдѣлать и то еще... Онъ рѣшается. Дрожащими руками намыливаетъ онъ лицо и голову

придушеннаго Боголюбова, дрожащими руками достаетъ бритву и начинаетъ брить*). Невѣрность руки то тутъ, то тамъ дѣлаетъ порѣзы на лицѣ и головѣ Боголюбова. Наконецъ операція кончена. Надзиратели быстро выбѣгаютъ изъ комнаты, боясь, чтобы освобожденный изъ подъ ихъ тяжести Боголюбовъ не ударилъ ихъ чѣмъ нибудь. Но боязнь ихъ напрасна: Боголюбовъ, брошенный на полъ, продолжаетъ лежать по прежнему. Онъ нѣсколько очнулся и переживаетъ тяжелыя минуты. Передъ его умственнымъ взоромъ проходятъ возмутительныя картины недалекаго прошлаго... Борьба съ надзирателями, старавшимися повалить его, вызываетъ въ его памяти нѣчто подобное, пережитое имъ раньше. Въ его памяти рисуется картина пережитаго 13-го іюля 1877 г. Вотъ баши-бузукъ Треповъ, накидывающійся на него за неснятіе шапки. Вотъ орава надзирателей, волокущихъ его передъ окна женскаго отдѣленія въ „домѣ предварительнаго заключенія" въ Петербургѣ. Вотъ подобная же борьба съ надзирателями, старающимися свалить его. Далѣе, свистъ розогъ и страданія. Страданія не физическія, онъ ихъ не чувствуетъ, а страданія нравственныя, страданія человѣка, достоинство котораго поругано самодурствомъ... „правой" руки Александра II-го, самодура всероссійскаго.... Боголюбовъ вновь переживаетъ все это.... Нервы его напряжены въ высшей степени; его волнуютъ въ одно время и гнѣвъ, и

*) Бритье бороды и усовъ производилось всегда чрезъ двѣ недѣли. Головы стали брить всѣмъ послѣ покушенія Мышкина на побѣгъ; до этого времени брили лишь тѣмъ, которые въ чемъ либо провинились.

злоба на своихъ палачей, и сознаніе оскорбленнаго человѣческаго достоинства и сознаніе своего полнаго безсилія, и отчаяніе... Ахъ, какъ онъ страдаетъ!...

„И неужели никто не положитъ конца моимъ истязаніямъ?! — мелькаетъ въ его головѣ... Онъ встаетъ, наконецъ, съ полу, ощупываетъ придавленную больную грудь и начинаетъ ходить по своей канурѣ. Мысли плохо вяжутся въ его разстроенномъ мозгу, и онъ только *ощущаетъ* всѣ тѣ же страданія, что въ Петербургѣ...

О сопротивленіи Боголюбова приказаніямъ начальства исполнительный старшій докладываетъ смотрителю. Копнинъ, передъ вечеромъ, приходитъ къ Боголюбову, чтобы сдѣлать ему должное наставленіе и выговоръ. Глупый холуй знать не хочетъ, чтобы больной могъ не слушаться его; онъ начинаетъ кричать на Боголюбова:

„Какъ ты смѣешь сопротивляться моимъ приказаніямъ?! Если бы не только брить тебя приказано, а и что нибудь похуже, то и тогда ты долженъ повиноваться!" — кричитъ расходившійся полу-идіотъ.

„Пошелъ вонъ, палачъ! Уйди съ глазъ, мерзавецъ!" — въ свою очередь отзывается раздраженный помѣшанный.

„А, такъ ты вотъ какой! такъ ты такъ!" — еще пуще оретъ Копнинъ. Его холуйское самолюбіе оскорблено. *Арестантъ* не хочетъ безмолвно выслушивать его брань.

„Взять его въ карцеръ!" обращается уже къ надзирателямъ взбѣсившійся смотритель...

Боголюбовъ вытащенъ изъ одиночки и брошенъ въ мрачный, вонючій карцеръ. Карцеръ, своей темнотой, своей атмосферой, вызываетъ въ разстроенной

памяти помѣшаннаго воспоминаніе о происшедшемъ послѣ сѣченія. Его и тогда бросили въ подобную же яму. Онъ вновь переживаетъ тѣ же страданія. Его поруганное человѣческое достоинство вопитъ о мести.

„Неужели же не найдется ни одинъ человѣкъ, — думается ему, — который бы уразумѣлъ всю глубину мерзости продѣланнаго надо мной! Неужели же все руское общество до того рабски-пало, что оно не оскорбилось за самого себя, узнавъ о подвигѣ Трепова! Неужели же такое подлое насиліе останется безнаказаннымъ? Трепова мало убить!!!...

„Ахъ, да! — вспоминается ему дальше — былъ вѣдь такой человѣкъ, который хотѣлъ отомстить палачу-самодуру. То была *женщина*, руская Шарлотта Кордэ! Нѣтъ, ее звали Вѣрой Засуличъ!... *Да, женщина, Вѣра Засуличъ.* Гдѣ она? Ее тоже хотѣли задушить въ каторгѣ... Мерзавцы, выпустите меня отсюда! Я не хочу здѣсь задохнуться! Выпустите меня!" — и Боголюбовъ сталъ метаться въ тѣсномъ карцерѣ. Онъ стучитъ неистово въ дверь и все требуетъ, чтобы его выпустили. Удовлетворенный смотритель находитъ, что Боголюбова можно перемѣстить изъ темнаго карцера въ полутемную камеру одиночки. Боголюбовъ опять въ своемъ номерѣ. Мысль, родившаяся въ темномъ карцерѣ, не покидаетъ больного мозга Боголюбова и продолжаетъ докучать ему, продолжаетъ развиваться дальше...

„Вѣра Засуличъ, *женщина привела въ исполненіе мою мысль!* Кто эта женщина? Какъ она узнала мою мысль? *Она украла ее изъ моей головы!...* Женщина крадетъ мои мысли, она выкрикиваетъ ихъ на весь міръ!.... Я не могу думать про себя!...

„Надзиратели, мерзавцы! зачѣмъ вы напустили на

чердакъ женщинъ? Онѣ крадутъ мои мысли и кричать объ нихъ. Палачи, вы хотите меня свести съ ума!... Чтобъ ихъ духу тутъ не было! Слышите!... Скажите вашему подлому смотрителю, что я убью его, если онъ не прогонитъ этихъ женщинъ!"... И бѣдный больной начинаетъ стучать въ дверь, начинаетъ швырять въ потолокъ все попадающееся подъ руку.

Лѣвая одиночка переживаетъ тоже, что переживала правая во время приступовъ буйства у Бочарова и Соколовскаго. Лѣвая одиночка тоже протестуетъ, тоже стучитъ, кричитъ... Но и ея крики не слышны за стѣнами тюрьмы; они не долетаютъ до слуха оставшихся на волѣ товарищей и заглушаются паручнями, карцеромъ и однообразнымъ, медленнымъ дѣйствіемъ одиночнаго заключенія, разрушающаго силы и здоровье узниковъ...

XVII

Грицылевскій смѣнился, на его мѣсто пріѣхалъ новый смотритель, по фамиліи Копнинъ. Онъ тоже храбрый сподвижникъ Муравьева-Вѣшателя, онъ отставной жандармскій офицеръ. При первомъ посѣщеніи одиночекъ, онъ говоритъ каждому жильцу номера:

„Надѣюсь, что мы съ вами будемъ жить мирно, въ ладу?"

„Это отъ васъ будетъ главнымъ образомъ зависѣть" — получаетъ онъ всюду въ отвѣтъ.

Наступаетъ вечеръ. Въ корридорѣ правой одиночки обыкновенная тишина.

Кха, кха, кха — слышится изъ 14-го номера.

Какой ужасный кашель! Бѣдный Дьяковъ*), какъ его мучитъ этотъ проклятый кашель и какъ долго... Бѣдный больной, онъ все продолжаетъ кашлять. Рѣжущей болью отзывается этотъ кашель въ груди каждаго изъ жильцовъ каторжной одиночки. Этотъ ужасный кашель заставляетъ страдать сильнѣе, чѣмъ рыданія Бочарова, стукъ Соколовскаго, бредъ Допецкаго и Плотникова, ругательства Боголюбова. Умирать медленной, мучительной смертью, сохраняя до послѣдней минуты сознаніе, должно быть ужасно тяжело...

„Сосѣдъ, — стучитъ Дьяковъ въ 13-й номеръ — я отбросилъ въ сторону всѣ книги, всѣ тетради: не нужны онѣ мнѣ больше, скоро отправлюсь къ праотцамъ. Я харкаю кровью, у меня чахотка.“

„Вздоръ вы говорите, — отвѣчаетъ ему Свитычъ — никакой у васъ нѣтъ чахотки, а простой приливъ крови къ легкимъ. Станетъ теплѣй, начнете гулять, и все какъ рукой сниметъ. Смотрите, еще какими молодцами покатимъ мы съ вами въ Сибирь“ — умышленно лжетъ онъ.

„Ахъ, какъ мнѣ тяжело, еслибы вы знали! Хоть бы насъ куда нибудь выслали: въ Сибирь, на Сахалинъ, хоть къ чорту, лишь бы только вонъ отсюда. Я чувствую, что умру здѣсь.“

„Не бойтесь, еще поживемъ съ вами; еще такихъ „дѣловъ“ на волѣ надѣлаемъ, что небу жарко станетъ.“

---

*) Дьяковъ осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ за распространеніе книгъ революціоннаго содержанія между солдатами гвардейскаго московскаго полка (дѣло Дьякова и Сѣрякова).

Взрывы 19 ноября и 5 февраля глухо отозвались въ централкѣ и въ неясныхъ формахъ, въ искаженномъ видѣ достигли слуха обитателей номеровъ. Они достигли не только ихъ слуха, они и другимъ образомъ отразились на нихъ: сидящимъ въ одиночкахъ строго запретили перестукиваться. Больше уже нечего было воспрещать...

„Сосѣдъ, — стучитъ Дьяковъ Свитычу — мнѣ сегодня очень плохо; я начинаю отчаяваться..."

„Дьяковъ, — раздается грубый голосъ надзирателя не стучать! Я доложу смотрителю."

Дьяковъ пересталъ. Надзиратель „докладываетъ" и больного, полуумирающаго Дьякова ведутъ въ карцерь...

Студзинскій стучитъ своему сосѣду.

„Студзинскій, ты стучать?! Въ карцеръ пойдешь."

Опять докладъ смотрителю, и Студзинскій въ карцерѣ.

Александровъ*) стучитъ своему сосѣду.

„Ахъ ты, рожа, какъ ты смѣешь стучать?! Въ карцерѣ не бывалъ? — какъ собаки накидываются на Александрова надзиратели.

„Вы, мерзавцы, развѣ вы не можете говорить хоть сколько нибудь похоже по-человѣчески; что вы лаете на него какъ собаки? Докладывайте своему смотрителю, но не смѣйте лаять" — слышится на ревъ надзирателя изъ одного номера.

Надзиратели шушукаются. Одинъ изъ нихъ идетъ рапортовать Копцину, который минутъ черезъ пять появляется въ коридорѣ. Надзиратель отворяетъ

*) Осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ по дѣлу Дьякова и Сѣрякова.

номеръ Александрова и смотритель, подойдя къ двери, начинаетъ читать нотацію и, въ заключеніе, велитъ Александрову отправиться въ карцеръ.

Въ одиночкѣ мертвая тишина... Обитателей номеровъ бьетъ лихорадочная дрожь; они напрягаютъ вниманіе, прислушиваются: они ждутъ, что будетъ дальше; они волнуются. Тасканіе въ карцеры за послѣдніе дни, изъ рукъ вонъ грубое обращеніе надзирателей, мелочныя придирки, все это начинаетъ пробуждать изъ апатіи, начинаетъ возбуждать притупившуюся чувствительность нервовъ...

„Добровольно я не пойду въ карцеръ, — отвѣчаетъ Александровъ — тащите меня силой, если хотите, но добровольно не пойду."

„Взять его!" кричитъ Копнинъ надзирателямъ.

Пять человѣкъ здоровыхъ палачей кидаются на Александрова и стараются повалить его на полъ. Онъ барахтается, не поддается. Усилія надзирателей дѣлаются дружнѣй; они сваливаютъ обезсиленнаго борьбой Александрова и начинаютъ душить его. Изъ придавленной груди послѣдняго вырывается громкій стонъ, инстинктивный зовъ о помощи... Напряженіе нервовъ одиночки ростетъ съ каждой секундой борьбы въ номерѣ Александрова: оно достигаетъ высшей точки въ моментъ его крика, и изъ дверей номеровъ почти одновременно несутся звуки частыхъ звонковъ, стукъ по дверному желѣзу и крики негодованія... Полумертвецы, полузамученные бьютъ набатъ... Грозно звучитъ онъ въ ушахъ тюремщиковъ, заставляетъ дрожать отъ страха и злости ихъ принципала.

„Сволочь! Скоты!" — кричитъ онъ изъ конца кор-

ридора. „Вы бунтовать? Я вамъ покажу, какъ у меня бунтовать!"

„Кто сволочь? Кто скоты? Отвѣчай, палачъ!"

„Отвѣчай, кто сволочь!" - несется изъ разныхъ номеровъ въ отвѣтъ на ругань опьяненнаго отъ злости смотрителя.

„Иди ко мнѣ сюда, въ камеру, подлецъ, и я тебѣ покажу, кто сволочь!" — кричитъ Цицiановъ.

Ге-ге-ге, ваше сiятельство! Такъ вы у меня такъ," — вопитъ захлебываясь Копнинъ. „Отобрать у нихъ изъ камеръ все, не оставить ничего, кромѣ казеннаго!" - обращается онъ къ надзирателямъ. „На хлѣбъ и на воду ихъ!"

Звонки, стукъ, крики усиливаются: они начинаютъ принимать все болѣе угрожающiй характеръ... Подлая душенка смотрителя струсила, онъ опасается какой нибудь катастрофы: онъ нагналъ полный корридоръ вооруженныхъ солдатъ и молча шныряетъ между ними: подслушиваетъ у каждыхъ дверей: онъ замѣчаетъ протестующихъ. Нервы устаютъ. Протестъ въ четырехъ стѣнахъ начинаетъ утомлять ихъ. Шумъ въ одиночкѣ мало по малу начинаетъ смолкать: только изрѣдка слышится то тотъ, то другой взволнованный голосъ, но и тѣ умолкаютъ. Александровъ все таки на рукахъ унесенъ въ карцеръ. Долго еще слышны въ номерахъ быстрые, взволнованные шаги обитателей, но и здѣсь наступаетъ также тишина. Одиночка, измученная непривычной работой нервовъ, устала и, наконецъ спитъ...

Наступило утро другого дня. Обычное убиранiе камеръ сопровождается вынесенiемъ изъ нихъ по-

стелей*), книгъ, письменныхъ принадлежностей. Номера, благодаря присутствію книгъ, имѣвшіе видъ жилья разумныхъ людей, пустѣютъ. Чѣмъ то нежилымъ, какою то пустотою вѣетъ отъ нихъ. Пустота же чувствуется въ сердцахъ обитателей. Вслѣдъ за вчерашнимъ возбужденіемъ наступаетъ реакція: нервы ослабли; жильцы номеровъ впадаютъ въ апатію. Гнетущая тоска, отчаяніе овладѣваетъ ихъ душами, а время тянется такъ медленно, такъ мучительно медленно...

Гей же вы, хлопці
Славни молодці,
Чом ви смутни, не веселн?!

раздается вдругъ среди мертвой тишины изъ 13 номера. Пѣсня льется дальше и звуки ея становятся все страстнѣе... Это запѣлъ Свитычъ. Какъ давно хотѣлось ему пѣть. Въ минуты тяжелой душевной тревоги, въ минуты тоски и отчаянія у него часто являлось страстное желаніе пѣть. Ему казалось въ эти минуты, что въ пѣснѣ онъ выльетъ все горе наболѣвшей души, всѣ накипѣвшія на сердцѣ слезы. Какъ страстно ему хотѣлось пѣть. Но онъ знаетъ, что стоитъ только тихонько замурлыкать, какъ изъ корридора раздастся грубый голосъ надзирателя и оборветъ его; и страстное желаніе душилось и только слѣдъ его тяжелымъ камнемъ ложился на сердце. Онъ знаетъ, что и теперь надзирательскій голосъ зарычитъ на него; онъ слышитъ уже слова надзирателя, приказывающаго ему замолчать, но сегодня онъ ни на что не обращаетъ вниманія. Имъ овладѣла тоска отчаянія, онъ махнулъ рукой на все проис-

*) Постели давались по распоряженію смотрителя или губернатора, когда тотъ признавалъ больными обитателей одиночекъ.

лое и будущее, онъ живетъ или, лучше сказать, прозябаетъ минутой настоящаго. Ему стало очень тяжело, и онъ рѣшился пѣть. Онъ поетъ...

Нѣсколько разъ подходитъ къ дверямъ надзиратель; изъ грубаго тона приказанія его слова переходятъ въ просьбу перестать пѣть, но Свитычъ не обращаетъ на него вниманія.

Вслѣдъ за Свитычемъ начинаетъ пѣть и его сосѣдъ, жилецъ 12 номера, Студзинскій. Дикимъ голосомъ затянулъ онъ польскій гимнъ „Съ дымомъ пожаровъ" и продолжаетъ пѣть; его волнуютъ тѣ же чувства, что и его сосѣда.

„Цыціановъ! — кричитъ Свитычъ, — знаете ли какой курьезъ?! Нашъ Держиморда, ставшій, по приказанію Валя, цензоромъ, нашелъ подозрительными слѣдующія книги: Календарь Суворина, Русскую Старину, Руководство къ гальванопластикѣ и лекціи динамики!!! Знаете ли, какими соображеніями онъ руководится, хотя бы по отношенію къ двумъ послѣднимъ книгамъ? Гальванопластика можетъ послужить, молъ, къ подделкѣ печатей, стало быть, знать ее не полагается, а динамика представляется ему наукой о *динамитѣ*, которымъ взрываютъ „основы".

„Ха, ха, ха!" — несется изъ разныхъ номеровъ.

Одиночка начинаетъ дурить. Изъ разныхъ номеровъ раздаются крики. То тотъ, то другой обитатель сообщаетъ что нибудь остальнымъ. Необычайный шумъ и оживленіе въ мертвой до сихъ поръ одиночкѣ, кажется чѣмъ-то непонятнымъ. Какъ будто въ машинѣ гашенія человѣческаго разсудка и жизни испортился какой то механизмъ, и она не дѣйствуетъ. Полузадушенные живы; они не потеряли

способности говорить, смѣяться...

Давно уже извѣщенный Копнинъ стоитъ въ концѣ корридора, прислушивается къ происходящему и ждетъ что будетъ дальше...

Въ дверномъ замкѣ 13-го номера поварачивается ключъ и на порогѣ показывается фигура надзирателя.

„Свитычъ, собирайся!"

Лежавшій неподвижно на койкѣ Свитычъ, не сознавая что дѣлаетъ, встаетъ, накидываетъ на плечи куртку, надѣваетъ шапку и выходитъ въ корридоръ, слѣдомъ за надзирателемъ; за нимъ идутъ еще двое тюремщиковъ. Въ первую минуту, когда позвали Свитыча, онъ даже не задалъ себѣ вопроса: „куда, зачѣмъ?" Чисто механически онъ всталъ, одѣлся и пошелъ. Только въ корридорѣ мелькнулъ у него этотъ вопросъ. „Должно быть въ карцеръ" — порѣшилъ онъ и, злобно стиснувъ зубы и сжавъ кулаки, направился за надзирателемъ къ выходной двери, у которой до сихъ поръ стоялъ Копнинъ, начавшій при приближеніи Свитыча отступать на дворъ. Выйдя изъ одиночки, онъ повернулъ направо къ прачешной; ведущіе надзиратели повернули за нимъ слѣдомъ. Свитычъ, думая, что Копнинъ предводительствуетъ, прямо направляется за нимъ. Струсившему смотрителю кажется, что его хотятъ бить: онъ испуганно замахалъ палкой и кричитъ:

„Куда вы его ведете? Ведите туда, ведите, болваны!"

Ведущіе надзиратели круто поварачиваютъ къ главному корпусу тюрьмы.

„Зачѣмъ туда? — мелькаетъ въ головѣ Свитыча, —вѣдь въ карцерѣ сидитъ Александровъ; тамъ нѣтъ

мѣста". (Онъ не зналъ въ то время, что карцеровъ не одинъ.)

„Не сѣчь ли? — мелькаетъ опять въ его головѣ. Если да, то я буду сопротивляться до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ мускулъ въ моемъ тѣлѣ въ состояніи будетъ сокращаться; хоть одинъ изъ палачей поплатится мнѣ за это жизнью; я буквально перегрызу горло которому либо изъ нихъ!"...

На крыльцѣ „главнаго корпуса" пришедшихъ встрѣтилъ новый надзиратель словами, что „еще не готово". Мелькнувшая въ головѣ Свитыча мысль находитъ, кажись, себѣ подтвержденіе. Онъ оглядывается и выбираетъ болѣе удобную позицію для предстоящей борьбы. Въ углу онъ замѣчаетъ дубовую палку, которую мысленно приспособляетъ къ оружію для защиты и направляется въ ту сторону, чтобы взять ее.

„Впрочемъ, ведите" — говоритъ стоящій на крыльцѣ надзиратель пришедшимъ.

„Куда ты, куда?" — кидаются къ направляющемуся за палкой тюремщики и, грубо схвативъ его за плечо, вталкиваютъ его въ корридоръ. Здѣсь начинается обыскъ и Свитыча вталкиваютъ въ одинъ изъ карцеровъ. Тяжелая, вонючая атмосфера сразу охватила вошедшаго. У него закружилась голова, ему становится трудно дышать. Онъ кидается къ двери, приникаетъ къ ея щелямъ, думая тамъ найти хоть сколько нибудь чистаго воздуха, потребнаго для дыханія: напрасно: изъ дверныхъ щелей несетъ тѣмъ же душнымъ, зараженнымъ, вонючимъ воздухомъ изъ отхожихъ мѣстъ. Голова заключеннаго кружится, дыханіе становится все болѣе затруднительнымъ, кровь приливаетъ къ вискамъ... Онъ ложится на полъ

и, о счастье! — чувствуетъ подъ рукой, изъ щели въ полу, движеніе холоднаго воздуха. Узникъ припикаетъ къ полу и жадно пьетъ струйку холоднаго, чистаго воздуха... Невдалекѣ что то зашевелилось.

„Кто тамъ?" — инстинктивно спрашиваетъ вновь приведенный въ карцеръ.

„Это я, Александровъ, а ты кто?"

„Я Свитычъ".

И послѣдній начинаетъ разсказывать Александрову о случившемся вчера, сегодня. Онъ слышалъ въ то время, когда за нимъ запирали дверь карцера, голосъ Копнина, приказывавшаго надзирателямъ кого то связать, если будутъ говорить; но тогда онъ не понималъ, къ кому относилось это приказаніе. Теперь для него ясно, что оно относилось къ нему съ Александровымъ. Но они не обращаютъ вниманія; они продолжаютъ говорить между собой. Долго сдерживаемая въ одиночкѣ рѣчь полилась свободно. Александровъ разсказываетъ грустную повѣсть своего дѣтства въ воспитательномъ домѣ, свое скитаніе и каторжный трудъ на фабрикахъ, свои мытарства по тюрьмамъ. Свитычъ передаетъ также разные эпизоды изъ своей скитальческой жизни, и время бѣжитъ. Прошли сутки. Половина второго дня прошла. Между временными обитателями карцера разговоръ продолжается.

Крадущимся кошачьимъ шагомъ пробирается дежурный надзиратель къ дверямъ карцернаго корридора. Приложивъ къ дверной щели ухо, онъ подслушиваетъ. Улыбка злорадства появляется на его глупомъ лицѣ и онъ слушаетъ еще нѣсколько секундъ. Затѣмъ, также осторожно, на цыпочкахъ онъ отходитъ прочь.

Разговоръ въ карцерѣ продолжается по прежнему и разговаривающіе не слышать, какъ загремѣлъ засовъ корридорной двери, какъ въ корридоръ вошли. Засовъ у дверей карцера, въ которомъ сидѣлъ Свитычъ, завизжалъ; дверь открылась и появившійся въ ней надзиратель обращается къ лежащему на полу:

„Выходи!"

Машинально повинуется тотъ и выходитъ въ корридоръ. Рядомъ съ вызвавшимъ стоитъ другой надзиратель и у него на плечѣ виситъ цѣлый пукъ веревокъ.

„Повернись". И грубая рука поворачиваетъ за плечо Свитыча. — „Давай руки" — и схватываетъ выше локтя лѣвую руку повернутаго.

Другой надзиратель дѣлаетъ на концѣ веревки петлю и надѣваетъ на руку выведеннаго изъ карцера. Петля затягивается туго, туго, и другой конецъ веревки, закинутый за другую руку, начинаетъ гулять отъ одной къ другой, все сильнѣе и сильнѣе стягивая вывороченныя назадъ руки Свитыча. Операція кончена, и онъ вталкивается обратно въ карцеръ. Тоже продѣлываютъ и съ Александровымъ.

„Если будешь разговаривать, Свитычъ, — обращается одинъ изъ уходящихъ надзирателей, — то я свяжу тебѣ и ноги; какъ свинью свяжу и закручу еще закрутку." Проговоривъ эту тираду, оба достойные исполнители приказаній достойнаго смотрителя удаляются.

Связанный по рукамъ и брошенный опять во мракъ карцера — Свитычъ ошеломленъ: его волнуютъ различныя чувства и мысли, толпящіяся въ головѣ. Физическая боль въ вывороченныхъ и туго связанныхъ

рукахъ въ первые моменты обращаетъ на себя его вниманіе: онъ чувствуетъ страданія физическія; но вотъ нравственныя страданія заглушаютъ боль; онъ бьется объ стѣны своей мрачной, душной, тѣсной клѣтки, потому что привыкъ ходить, когда думаетъ. Онъ думаетъ. Оскорбленное человѣческое достоинство вопитъ въ немъ о мести; онъ ясно сознаетъ свое безсиліе; холодное звѣрство, съ какимъ надъ нимъ продѣлывали операцію скручиванія рукъ, возмущаетъ его; онъ чувствуетъ презрѣніе къ своимъ палачамъ. Это презрѣніе распространяется, захватываетъ все большій и большій кругъ, связанному кажется, что онъ способенъ презирать все человѣчество, спокойно допускающее такое насиліе надъ личностью. Но это только одно мгновеніе. Разсудокъ беретъ верхъ. Подвергнутый пыткѣ знаетъ, что его мучители — продуктъ тѣхъ неестественныхъ условій, какія можетъ создавать настоящій соціальный строй. „Не презирать, а бороться надо, — рѣшаетъ онъ, — бороться до послѣдняго издыханія!"...

Встрѣтившая препятствіе, для свободнаго движенія, кровь приливаетъ къ сердцу и заставляетъ его трепетать, приливаетъ къ мозгу, стучитъ молотомъ въ вискахъ...

Голова начинаетъ кружиться, ноги дрожатъ, дыханіе затруднено...

„Свитычъ, — слабымъ голосомъ зоветъ Александровъ, — Свитычъ, постучи, пожалуйста, въ дверь, чтобы кто нибудь пришелъ, а то я умираю"...

„Что съ тобой?"

„Не знаю, но мнѣ очень дурно".

Свитычъ начинаетъ неистово стучать ногой въ

дверь. Эхо разноситъ эти звуки по пустому корридору, но никто не является.

„Стучи сильнѣй!“

Сильнѣй и сильнѣй, упорно продолжается стукъ, пока, наконецъ, надзиратель не услышалъ его и не подходитъ къ карцернымъ дверямъ.

„Отвори Александрова и развяжи его, палачъ, потому что съ нимъ дурно.“

Едва успѣлъ надзиратель открыть дверь карцера Александрова, какъ послѣдній упалъ, какъ пластъ, на полъ, потерявъ сознаніе. Подоспѣвшій другой надзиратель поспѣшно развязываетъ скрученныя руки, но Александровъ не приходитъ въ чувство. Выбѣжавшій надзиратель приноситъ ведро воды и, вытащивъ Александрова въ корридоръ, окачиваетъ ему голову.

Александровъ пришелъ въ чувство. Послѣ сильнаго напряженія наступила слабость; захлебываясь попавшей въ дыхательное горло водой, онъ зарыдалъ.

„За что вы меня мучите такъ ужасно? что я вамъ сдѣлалъ? — обращается онъ сквозь слезы къ надзирателямъ.

„Ну, ну, ничего, братъ, успокойся; вѣдь мы не виноваты; намъ приказано, и мы связали тебя. Будетъ, не плачь. Иди на свое мѣсто лучше“...

Свитычъ напряженно вслушивается въ происходящее за его дверьми. Кровь тоже приливаетъ у него къ мозгу, стучитъ въ вискахъ. Мысли быстро бѣгутъ одна за другой; невозможное кажется ему возможнымъ; дикое теряетъ свою дикость и становится весьма обыкновеннымъ.

„Позовите мнѣ немедленно сейчасъ смотрителя“ — обращается онъ къ надзирателямъ.

Его тоже выводятъ изъ карцера, тоже распутываютъ веревку, связывающую его вывороченныя руки и идутъ за смотрителемъ.

Явился Копинъ.

„Г. смотритель, я васъ буду просить объ одномъ, что вы легко можете исполнить. *Прикажите, пожалуйста, окончательно меня придушить.* Это такъ легко сдѣлать. Никто ничего не будетъ знать; вы можете донести, что я умеръ естественой смертью: а между тѣмъ вы мнѣ, положительно, окажете благодѣяніе. Если для васъ есть что либо святое, дорогое, то во имя этого святого, дорогого, я умоляю васъ исполнить мою просьбу“...

Говорящій не сознаетъ всей дикости своей просьбы; она кажется ему такой естественной, такой простой, такъ легко исполнимой...

„Нѣтъ, *этого* я не могу исполнить, а вотъ освободить васъ изъ карцера я могу. Отведите его на мѣсто“ — обращается онъ къ надзирателю и уходитъ.

„Возьми куртку и шапку“ — говоритъ надзиратель Свитычу.

Темно-фіолетоваго цвѣта руки отъ застоявшейся крови почти не способны къ движенію; пальцы съ трудомъ сгибаются, чтобы удержать надѣваемую куртку и шапку. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ веревка обхватывала руки, *въ поры кожи выступила кровь...*

Выпущенный на другой день Александровъ призвалъ въ одиночку доктора и показывалъ ему такіе же слѣды, прося его быть свидѣтелемъ истязаній, которымъ здѣсь подвергаютъ политическихъ заключенныхъ.

„Не мое дѣло — отвѣчаетъ врачъ: — Еслибы васъ

надо было лечить, я бы лечилъ, я вамъ пропишу мазь, а свидѣтелемъ быть — не мое дѣло" — сухо заключилъ молодой врачъ со „шкурнымъ инстинктомъ"...

Черезъ нѣсколько дней была получена бумага отъ Валя: эту бумагу предъявляли „бунтовавшимъ". Въ ней было сказано приблизительно слѣдующее: „За тѣ безпорядки, которые произошли въ одиночкѣ 16 и 17 февраля, Александрова, Свитыча и другихъ слѣдовало бы подвергнуть *наказанію плетьми.* Но губернаторъ, на этотъ разъ, ограничивается тѣмъ, что предписываетъ заковать ихъ въ кандалы и лишить переписки съ родными и письменныхъ принадлежностей. Это наказаніе можетъ быть отмѣнено по распоряженію смотрителя, когда онъ найдетъ нужнымъ."

Передъ заковкой Свитычъ обратился къ смотрителю съ заявленіемъ, что заковать его по обѣимъ ногамъ нельзя, потому что отъ кандаловъ на прострѣленной ногѣ можетъ образоваться костоѣдъ. Ему заковываютъ только одну, здоровую ногу: а все таки заковали...

XVIII

Волненіе послѣ „бунта" улеглось. Жизнь одиночки начинаетъ входить въ обычную колею. Къ хлѣбу и водѣ просто прибавилась вода съ капустой и вода съ крупой. Книги возвращены.

Одиночка продолжаетъ свое незамѣтное дѣло: разрушаетъ организмы своихъ обитателей... Мучительный кашель изъ 14 номера, послѣ четырехъ сутокъ пребыванія его жильца въ карцерѣ, слышенъ все

чаще и чаще, все продолжительнѣе... Одиночка давитъ. Щемящая тоска и апатія овладѣваетъ опять мало по малу всѣми жильцами номеровъ. Только жилецъ 7-го номера возбужденъ. Онъ быстро бѣгаетъ по своей комнаткѣ и что то замышляетъ. Да, онъ замышляетъ бѣжать. Шатающаяся половица въ его номерѣ уже давно обратила на себя его вниманіе, и онъ хочетъ воспользоваться ею. Онъ задумалъ сдѣлать подкопъ въ тюремный дворъ.

Наступила ночь. Одиночка погрузилась въ сонъ. Спятъ жильцы номеровъ, спитъ, мѣрно похрапывая, въ корридорѣ сидящій дежурный... Мышкинъ осторожно слѣзаетъ съ койки, изъ верхняго платья дѣлаетъ подобіе чучела, покрываетъ его одѣяломъ, а самъ, приподнявъ половицу, опускается подъ полъ. Посредствомъ обломка гвоздя, осколка лучины, а то и голыми пальцами ковыряетъ онъ мерзлую землю. Работа медленно подвигается. Спину ломитъ, потъ градомъ катится по его лицу, уставшія руки просятъ отдыха, но воодушевленная мысль увеличиваетъ силу его энергіи. Какъ кротъ, тихонько, осторожно роется онъ въ темнотѣ. Каждую ночь продѣлываетъ онъ то-же... Наступившая весна оттаяла землю, и работа подвигается быстрѣе. Онъ дорылся до фундамента, прошелъ подъ нимъ, начинаетъ рыться вверхъ. Онъ оставляетъ слой земли приблизительно толщиной въ аршинъ, надъ мѣстомъ, гдѣ долженъ быть выходъ. Онъ ждетъ удобнаго момента. Все у него приготовлено: доставши гдѣ то листъ бумаги онъ написалъ себѣ паспортъ, нарисовалъ въ надлежащемъ мѣстѣ печать; надерганная изъ щетки шерсть и нитки изъ казеннаго бѣлья послужили ему матеріаломъ для парика, прикрывшаго его бритую голо-

ву. У него все готово, хоть сейчасъ полѣзай. Онъ знаетъ, что легко можетъ быть заколотъ ходящимъ тутъ часовымъ, но онъ рѣшился. Лучше все таки быстрая смерть, чѣмъ мучительная, медленная. Да при томъ, это вопросъ — смерть ли? Онъ думалъ бѣжать на пасху, разсчитывая на меньшую бдительность со стороны подгулявшихъ надзирателей.

Страстная пятница. Не въ урочный часъ, въ полдень, Мышкину понадобилось кое что спрятать въ свое подземелье. Онъ полѣзъ туда. Ходившій по корридору дежурный совершенно случайно заглянулъ въ дверное стеклышко какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Мышкинъ возвращается изъ своей экскурсіи въ преисподнюю. Испуганный надзиратель бѣжитъ къ старшему, Старшій докладываетъ смотрителю, и пошла суматоха: обыски, шареніе, нюханіе... Сдѣланный подкопъ засыпанъ; Мышкинъ посаженъ въ карцеръ, а оттуда переведенъ въ лѣвую одиночку. Обитателей номеровъ размѣстили въ иномъ порядкѣ чѣмъ прежде.

Въ лѣвой одиночкѣ Мышкинъ лишенъ книгъ. Товарищи кое какъ ухитряются, вырывая по листкамъ изъ книгъ, доставлять ему матеріалъ для чтенія. Но этого недостаточно. Тоска и апатія начинаютъ овладѣвать и имъ. Надежда на свободу исчезла. Онъ сознаетъ все съ большей и большей ясностью безвыходность своего положенія...

„Неужели нѣтъ никакого выхода? — спрашиваетъ онъ себя. „Неужели я долженъ медленно умирать и видѣть, какъ умираю? Это ужасно!"

Выходъ долженъ быть найденъ. Усиленно работаетъ ослабѣвшій мозгъ. Усиленно ищетъ онъ этого выхода.

„Неужели только одинъ выходъ — быстрая смерть посредствомъ самоубійства? Такъ безполезно умереть—глупо. Коли умирать, то сдѣлать свою смерть возможно продуктивной“...

Выходъ найденъ. Послѣ многихъ безсонныхъ ночей отысканъ способъ умереть продуктивно. Мышкинъ рѣшился. „Нужно сдѣлать преступленіе, влекущее за собой смертную казнь, и на судѣ разсказать всѣ ужасы, которые переносятъ „заживо погребенные“...

Мышкинъ вдругъ сталъ усердно посѣщать церковь. Всякое воскресенье, всякій праздникъ онъ просится туда. Можетъ быть, онъ тоже замаливаетъ грѣхи, подобно Плотникову? Нѣтъ, онъ ждетъ въ церковь Копнина, который почему то въ послѣднее время не показывается.

Какой то царскій день. Мышкинъ просится въ церковь. Его ведутъ. Сегодня, по его разсчетамъ, Копнинъ обязательно долженъ быть въ церкви, и сегодня Мышкинъ приведетъ, наконецъ, въ исполненіе свою завѣтную мысль. Онъ ждетъ, онъ не ошибся. Въ мундирѣ, съ орденами за разные подвиги душенія людей и высасыванія человѣческой крови, появляется Копнинъ въ церкви. Онъ слушаетъ всю обѣдню, солидно крестится и, какъ фарисей, благодаритъ своего бога за то, что онъ не такой, какъ эта масса каторжниковъ, наполняющихъ церковь. Передъ многолѣтіемъ, когда попъ вынесъ крестъ, Копнинъ подходитъ, чтобы приложиться. Вплотную, слѣдомъ за нимъ идетъ Мышкинъ, повидимому, желающій тоже облобызать крестъ. Копнинъ перекрестился съ разстановкой и прикладывается губами ко кресту. Онъ приложился и поворачивается, чтобы выходить

изъ церкви. Не успѣлъ онъ повернуться лицомъ къ Мышкину, стоявшему позади его, какъ „вотъ тебѣ подлецъ!“ вскрикиваетъ Мышкинъ, и звонкая пощечина, эхо которой раздается по всей церкви, зарумянила лице смотрителя... Смотритель ошеломленъ; онъ взбѣшенъ. Въ воздухѣ взвивается свинцовый набалдашникъ палки, съ которой повсюду ходитъ Копнинъ, и со всего размаха опускается на бритую голову Мышкина. Тотъ падаетъ, теряя сознаніе, а разсвирѣпѣвшій смотритель продолжаетъ осыпать его ударами, ругаясь непечатными словами на всю церковь.

Стоявшіе въ отдѣленіи надзиратели кидаются на помощь своему повелителю и передъ алтаремъ бога всепрощенія и христіанской любви начинается бойня; надзиратели бьютъ ногами по лицу лежащаго безъ движенія Мышкина. Остервѣненіе ихъ доходитъ до того, что они, буквально, начинаютъ плясать у него на груди, притопывая каблуками...

Избитаго, окровавленнаго, потерявшаго сознаніе, несчастнаго волокутъ за ноги на крыльцо и отсюда, набивъ кандалы ножные и ручные, тащатъ въ карцеръ...

Рѣшаясь дать пощечину, Мышкинъ разсчитывалъ на смертную казнь. На судѣ онъ думалъ разсказать мартирологъ Бочарова, Соколовскаго, Донецкаго, Плотникова и всѣхъ сидящихъ въ одиночныхъ номерахъ централки. Разсчетъ его оказался ошибочнымъ. Не желая затѣвать дѣла въ виду „новыхъ вѣяній“, высшая администрація рѣшилась взглянуть на Мышкина, какъ на помѣшаннаго, а на пощечину Копнину, какъ на острый припадокъ умопомѣшательства. Изъ карцера, скованнаго по рукамъ и ногамъ Мыш-

кина увезли въ Ново-Борисоглѣбскую центральную тюрьму.

XIX

„Новая эра!“ „новыя вѣянія“! — кричитъ на всѣ лады „домъ терпимости“, какъ мѣтко назвалъ Щедринъ нашу легальную прессу. Наступила „новая эра“, „медовый мѣсяцъ либерализма.“ „Новыя вѣянія коснулись и обитателей каторжныхъ одиночекъ. Возвратившійся изъ Харькова накануне 1-го мая смотритель отдаетъ „одиночнымъ старшимъ“ приказаніе пускать съ завтрашняго дня на прогулку по два человѣка вмѣстѣ. Встрепенулись замученныя сердца жильцевъ одиночекъ. Радужныя надежды разцвѣли въ душахъ заключенныхъ.

Съ радостными улыбками встрѣчаютъ они другъ друга въ корридорѣ, при выходѣ на прогулку. Съ сіяющими лицами ходятъ они по дорожкамъ тюремнаго сада и разсказываютъ, какъ давнишній, страшный сонъ, о выстраданномъ ими. Они знакомятся другъ съ другомъ. Они сидятъ столько лѣтъ, можетъ быть, рядомъ и не видѣли лица одинъ у другого. Они ликуютъ вмѣстѣ съ расцвѣтающей природой 1-го мая. По дорожкѣ сада гуляетъ Свитычъ со своимъ бывшимъ сосѣдомъ Дьяковымъ. Оба худые, блѣдные; но у перваго видъ гораздо бодрѣе, онъ должно быть не совсѣмъ еще надломился. Другой имѣетъ вполнѣ видъ старика, хотя ему только 25 лѣтъ. На осунувшемся, желтомъ лицѣ его видна печать страшной болѣзни: яркимъ, чахоточнымъ румянцемъ горятъ его впалыя щеки, глаза его бле-

стятъ лихорадочнымъ блескомъ... Походка у него совсѣмъ старческая: ходитъ онъ какъ то сгорбившись, волоча ноги. Они о чемъ то говорятъ.

Яркое майское солнышко весело глядитъ съ чистаго голубого неба на оживающую землю и ласкаетъ и нѣжитъ своими мягкими лучами свою любимицу. Весело играетъ оно въ молодыхъ листьяхъ развѣсистаго вяза и сквозь нихъ бѣлѣющими кругами рисуетъ причудливые, неуловимые узоры по землѣ... Сирень въ полномъ цвѣту, наполняетъ сладкимъ запахомъ воздухъ; желтая рябина расцвѣла въ такомъ изобиліи, что за цвѣтками не видать листьевъ. Проснувшіяся пчелы покрываютъ цѣлымъ роемъ метелки сирени и кисти рябины. Весело жужжа, онѣ перелетаютъ съ одного цвѣточка на другой и собирая нектаръ, помогаютъ оплодотворенію растеній. Весело порхая, щебечутъ воробьи. Весело и въ наболѣвшихъ сердцахъ полузамученныхъ. Они мечтаютъ о возможности быть высланными на поселеніе.

„Что же вы будете дѣлать въ Сибири?“ — спрашиваетъ Свитычъ Дьякова.

„Если бы мои силы, мое здоровье позволили, я занялся бы земледѣліемъ, но такъ какъ это для меня невозможно, я думаю заняться литературной работой и отчасти педагогіей.“

„Да, и это не дурно. Я также предпочитаю, во всякомъ случаѣ, земледѣліе другимъ занятіямъ, какъ болѣе дающее возможности сближаться съ народомъ, изучать его“...

Цѣлый часъ длится разговоръ въ такомъ же родѣ. Они говорятъ о своихъ симпатіяхъ къ народу, о причинахъ появленія этихъ симпатій и т. п.

„Давайте ка, Свитычъ, заниматься на прогулкахъ

англійскимъ языкомъ. Для меня очень затруднительно произношеніе, а вамъ, какъ знающему уже два новыхъ языка, оно, конечно, легче".

Согласіе на занятіе англійскимъ языкомъ дано, но занятія не осуществились. Прогулка 11-го мая была послѣднею прогулкой по двое. Съ этого дня опять начались прежнія одиночныя гулянья. По двое гулять разрѣшилъ разлиберальничавшійся вице губернаторъ, оставшійся послѣ смѣны Валя и до пріѣзда новаго губернатора, „хозяиномъ губерніи". Съ пріѣздомъ генерала Грессера либерализмъ вице губернатора поджалъ хвостъ.

Запавшая въ сердца узниковъ надежда на отправку въ Сибирь, послѣ прекращенія прогулокъ по двое стала слабѣть. Но вотъ, Папина*) Плотникова, Донецкаго, какъ окончившихъ срокъ — первый каторжныхъ работъ, а послѣдніе которжныхъ работъ и сумасшествія въ централкѣ, куда то увезли: надо думать въ Сибирь. Ослабѣвшая надежда опять начинаетъ оживать...

Но прошло жаркое лѣто, а больше никого не увозятъ изъ центральныхъ каторжныхъ одиночекъ. Надежда, начавшая оживать въ измученныхъ сердцахъ страдальцевъ, опять угасаетъ... Опять гнететъ одиночка своихъ обитателей и продолжаетъ свое дѣло разрушенія...

Наступили холодные дни дождливой осени. Еще чаще, еще мучительнѣй становится кашель Дьякова; силы его съ каждымъ днемъ падаютъ, жизнь угасаетъ. Онъ уже не въ состояніи гулять. Только въ ясные дни его подъ руки выводятъ на дворъ уголов-

*) Осужденъ на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ по дѣлу Долгушина.

ные арестанты, прислуживающіе въ коридорѣ одиночки, сажаютъ его на крылечкѣ бани и онъ, съежившись, сидитъ, тоскливо глядя на синѣющій вдали лѣсъ, въ которомъ бы ему такъ хотѣлось подышать воздухомъ свободы...

Ночь. Мелкій дождь уныло барабанитъ въ оконныя стекла одиночки и, какъ бы дразнясь, падаетъ за воротникъ шинели выглядывающаго по временамъ изъ будки часового... Правая одиночка спитъ... спитъ въ 6 номерѣ и Свитычъ, но сонъ его тревоженъ; онъ издали видѣлъ сегодня Дьякова, сидящаго на крылечкѣ бани; ему и во снѣ грезится эта сгорбленная изстрадавшаяся фигура. Сквозь сонъ слышитъ онъ неясные звуки, похожіе на рыданія. Онъ просыпается, и на яву слышны тѣ же звуки. Кто то горько рыдаетъ.

„Надзиратель, кто это плачетъ?"

„Дьяковъ",

„Чего онъ плачетъ"?

„А кто его знаетъ."

„Что же ты его не спросишь? Какъ тебѣ не стыдно такъ равнодушно относиться къ больному человѣку? Ступай, узнай у него; можетъ быть, ему что нибудь нужно."

Пристыженный надзиратель подошелъ къ двери 3-го номера, гдѣ теперь помѣщается Дьяковъ, и разспрашиваетъ послѣдняго о причинѣ его рыданій. Больной страдалецъ хочетъ ѣсть и не имѣетъ силъ встать и взять что ему нужно; возлѣ него нѣтъ никого, кто бы сдѣлалъ это. И онъ плачетъ, горько плачетъ о своемъ безсиліи, о своей рано угасающей, не изжитой, молодой жизни.... Крупными каплями сбѣгаютъ по его впалымъ щекамъ слезы.... Онъ си-

дитъ на постели, ломая свои изсохшія, обезсиленныя молодыя руки.... Горькое сознаніе близкой смерти заставляетъ надрываться его изболѣвшую грудь.... Жгучей болью отзываются эти рыданія въ измученномъ сердцѣ не спящаго Свитыча. *Слѣдъ ихъ такъ глубокъ, что не затрется ничѣмъ никогда...*

Разбуженный старшій досталъ ключи, отворилъ номеръ Дьякова и далъ ему поѣсть. Больной выпилъ рюмку краснаго вина и нѣсколько успокоенный уснулъ.

Полдень другого дня. Старшій собирается отнести къ смотрителю, для просмотра, книги, выбранныя заключенными для чтенія. Свитычъ слышитъ это; онъ подзываетъ къ себѣ старшаго и проситъ его обождать пять минутъ, такъ какъ онъ сейчасъ напишетъ записку смотрителю. Онъ сѣлъ и быстро пишетъ: „Г. смотритель! Дни Дьякова сочтены. Возлѣ него нѣтъ никого, не только близкаго, родного, дорогого, но даже посторонняго человѣка. Тяжело умирать молодымъ, но еще тяжелѣй умирать въ каторжной одиночкѣ одному, не имѣя при себѣ никого, кто бы могъ, хоть сколько нибудь, облегчить тяжкія страданія, хоть на минуту заглушить сознаніе близкой смерти. Если въ васъ есть хоть искра состраданія и человѣчности, вы поймете мою *покорнѣйшую просьбу* и не откажете въ ней. Я прошу васъ позволить мнѣ, хоть днемъ, ходить къ Дьякову. Я буду читать ему, буду бесѣдовать съ нимъ и постараюсь, хоть немного, облегчить его послѣднія минуты. Я думаю, что даже ваше начальство ничего не будетъ имѣть противъ этого. Если же вы, не смотря на мою просьбу, опасаетесь выговора начальства, то я прошу васъ немедленно написать губернатору; вы можете по-

слать ему и мою записку. Авось мы еще успѣемъ получить отвѣтъ, пока не будетъ поздно. В.Свитычъ"

Записка кончена. Свитычъ опять зоветъ надзирателя и отдаетъ ему ее.

„Попроси только смотрителя отвѣчать мнѣ на нее какъ можно скорѣе" - говоритъ онъ старшему.

Возвратившийся старшій заявляетъ, что смотритель обѣщалъ самъ зайти къ Свитычу вечеромъ. Свитычъ надѣется, что смотритель придетъ: онъ надѣется, что тотъ не откажется исполнить его просьбу. Онъ помнитъ, что тогда, въ карцерѣ, ему показалось, будто на глазахъ смотрителя блеснули слезы въ то время, когда онъ просилъ придушить его. Показалось. А можетъ быть, онъ дѣйствительно прослезился. Можетъ быть. Вѣдь говорятъ же, что крокодилъ плачетъ. Почему бы и не плакать Копнину...

Вечеръ прошелъ, а смотрителя не было. Но Свитычъ надѣется на завтрашній день, и съ этой надеждой спокойно засыпаетъ. Онъ слышалъ, что съ вечера Дьяковъ долго съ кѣмъ-то говорилъ; онъ думалъ, что это, вѣроятно, надзиратель, по возможности, хочетъ услужить больному. Онъ не зналъ дѣйствительности. По полученіи записки Свитыча, Копнинъ велѣлъ взять на ночь къ Дьякову уголовнаго арестанта, старика. Вотъ съ этимъ-то старикомъ и беседовалъ больной. Старикъ разсказывалъ длинную повѣсть своего мужицкаго горя. Молодымъ парнемъ онъ бѣжалъ отъ помѣщика. Черезъ четыре года былъ пойманъ, высѣченъ и сосланъ въ Сибирь. Онъ бѣжалъ изъ Сибири, бродяжилъ по тайгѣ, пробирался въ Россію, былъ ловимъ, наказываемъ, опять ссылаемъ въ Сибирь, и такъ безъ конца. Въ одно изъ своихъ странствованій по Сибири онъ убилъ пре-

слѣдовавшаго его станового, за что попалъ на каторгу. Онъ бѣжалъ оттуда въ Россію, гдѣ его опять поймали, „постегали" и засадили въ централку.

Слушая повѣсть мужицкаго горя, убаюканный мѣрными, монотонными звуками голоса разсказчика, больной страдалецъ уснулъ.

Спитъ одиночка. Мѣрно похрапываетъ въ корридорѣ дежурный надзиратель, задремалъ и старикъ-разсказчикъ. Въ оконныя стекла опять уныло барабанитъ дождь. Въ одиночкѣ царитъ тишина, нарушаемая только чириканьемъ сверчка, поющаго свою однообразную, скучную для людей пѣсенку любви.... Спитъ и Дьяковъ, и во снѣ тоже видитъ мужицкое горе.

Вотъ онъ, маленькимъ бурсакомъ, въ рождественскій праздникъ, ходитъ съ отцомъ славитъ по пригородней деревнѣ. Вотъ они зашли въ грязную, курную избу. Передъ печкой, съ ухватомъ въ рукахъ, возится не старая еще баба, одѣтая въ какія-то грязныя лохмотья. Изъ-подъ тряпки, которой повязана ея голова, выбилась прядь черныхъ волосъ и, падая на глаза, мѣшаетъ ей хорошо разглядѣть, что дѣлается въ печкѣ. По ея разгорѣвшемуся отъ печного пламени лбу струится потъ. Въ люлькѣ, привѣшенной къ потолку избы, въ грязныхъ, грубыхъ, заскорузлыхъ тряпкахъ барахтается крошечное существо; оно плачетъ, ему хочется ѣсть. Матери некогда грудью покормить крошку, да и ничего тамъ не найти ей: молока нѣтъ, потому что не изъ чего ему взяться. Крикъ въ люлькѣ усиливается, не вытерпѣвшая мать бросаетъ ухватъ, беретъ со стола кусочекъ колючаго, съ мякиной, хлѣба, пожевавъ и посоливъ, завертываетъ его въ тряпицу, приготовляя

соску, которую суетъ въ ротъ безпокойному сыну. На глазахъ бабы навернулись материнскія, мужицкія слезы. Маленькое, дѣтское сердечко бурсака инстинктивно сжимается при видѣ этой безотрадной картины: онъ тихонько вынимаетъ изъ мѣшка, въ который складываетъ сборъ за молебенъ, калачикъ и кладетъ на лавку. Отецъ-дьяконъ, получивши за молебенъ мѣдный пятакъ, уходитъ съ сыномъ дальше... Маленькій бурсакъ съ дѣтскихъ лѣтъ видитъ мужицкое горе, понимаетъ его...

Дождь пересталъ. Ручейки дождевой воды, весело бѣжавшіе по двору, суживаются, журчатъ все тише, тише, пока не изсякнутъ совсѣмъ, поглощенные жадной землей.

И ручеекъ угасающей жизни Дьякова журчитъ все тише и тише, пока не изсякнетъ, поглощенный никогда не изсякающей жизнью вселенной...

Дьяковъ спитъ. Онъ видитъ во снѣ уже другія картины прошлаго:

Онъ въ семинаріи. Покончивъ съ заглушающей умъ зубряжкой латинскихъ неправильныхъ глаголовъ, жадно читаетъ онъ Некрасова.

Доля ты русская, долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать...

„Да, тяжела ты: доля крестьянки, тяжела ты, доля русскаго мужика. Я понимаю ее; я всѣ силы, всю жизнь посвящу облегченію этой тяжелой доли“ — думается ему.

Онъ не кончаетъ семинаріи, онъ не хочетъ быть попомъ, потому что этой профессіей нельзя облегчить тяжелой мужицкой доли: развѣ можно сдѣлать ее только еще тяжелѣй. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, онъ студентъ. Жадно читаетъ онъ книги, изъ кото-

рыхъ учится узнавать всю необъятность русскаго, мужицкаго горя. Онъ учится, какъ пособить этому горю. Онъ знаетъ это, понимаетъ, какъ пособить, но трудно, трудно это. Онъ прислушивается къ разговорамъ товарищей, сходится съ ними и работаетъ вмѣстѣ съ ними.

Вотъ онъ въ казармахъ Московскаго полка. Красивые гвардейцы собрались вокругъ него и жадно слушаютъ слово правды. Ихъ головы еще не успѣла забить муштра царской службы: они слушаютъ и понимаютъ своего учителя...

Гдѣ вашъ учитель, московцы?! Помните ли вы его? Его замученныя кости спятъ вѣчнымъ сномъ въ одиночной могилѣ каторжнаго кладбища...

Сонъ больного мученика становится тревожнымъ. Ему грезятся уже мрачныя картины недалекаго прошлаго: арестъ, тюрьмы, судъ, эшафотъ, централка, убивающая его жизнь...

Какъ больно поетъ грудь! Больной проснулся. Отъ затрудненнаго дыханія на лбу его выступилъ холодный потъ... „Воздуху надо." Но воздуху уже некуда проникать: разложившіяся легкія не расширяются. Онъ понимаетъ, что смерть тутъ. Вмѣсто дыханія, изъ гортани вылетаютъ хриплые, свистящіе звуки. „Воздуху" — мелькаетъ въ его мозгу, и онъ теряетъ сознаніе... Еще одинъ, другой вздохъ, по тѣлу пробѣгаетъ предсмертная судорога, оно какъ-то неестественно сгибается и.... человѣка не стало...

Проснувшійся старикъ видитъ это: онъ креститcя и подходитъ къ постели умершаго, закрываетъ ему открытые, мутные глаза съ несокращающимися отъ свѣта принесенной лампы зрачками; складываетъ на груди измученныя руки...

Дурные инстинкты, результатъ пережитого, просыпаются въ душѣ старика. Онъ осторожно подходитъ къ трупу и начинаетъ что-то шарить на немъ. Его маленькая фигурка сильно напоминаетъ фигуру мародера на полѣ сраженія. Маленькіе, ушедшіе вглубь глазки быстро бѣгаютъ, оглядываясь на дверь. Старикъ что-то нащупалъ. Онъ снимаетъ съ шеи трупа маленькій, серебряный образокъ — благословеніе старухи матери и быстро прячетъ за пазуху. Онъ еще продолжаетъ шарить, думая найти деньги. Но напрасно: денегъ нѣтъ у жильцовъ каторжной одиночки. Онъ отошелъ отъ трупа и подходитъ къ столу. Голодъ, царствующій въ центральной тюрьмѣ, направилъ его сюда. Онъ жадно хватаетъ недоѣденные куски мяса, хлѣба, запихиваетъ ихъ себѣ въ ротъ и быстро шевелитъ беззубыми челюстями. Оставшіеся куски сахара слѣдуютъ за образкомъ за пазуху. Больше взять нечего.... Старикъ подходитъ осторожно къ двери и слегка стучитъ въ нее. Проснувшійся надзиратель заглядываетъ въ дверное стеклышко.

„Чего тебѣ, старикъ?“ — спрашиваетъ онъ.

„Политическій-то померъ.“

„Ну, такъ царствіе ему небесное. Все равно до утра не вынесемъ.“

Утро скоро наступило. Еще когда спали остальные обитатели номеровъ, двое уголовныхъ оттащили трупъ политическаго въ мертвецкую, гдѣ онъ оставался до вечера. Вечеромъ, рабочій, вывозящій нечистоты изъ тюрьмы, на той же телѣгѣ, на которой онъ возитъ соръ, вывезъ и трупъ Дьякова...

Все утро Свитычъ ждетъ Копнина. Свитычъ работаетъ въ мастерской и прислушивается къ каждо-

му звуку въ корридорѣ; онъ узнаетъ, наконецъ, шаги смотрителя.

„Здравствуйте,“ — привѣтствуетъ Свитыча входящій смотритель.

„Ну-съ, я получилъ вашу записку вчера...“

„Ну, и что же, вы разрѣшаете?“ — спрашиваетъ ничего не знающій Свитычъ.

„Не могу, но....

„Если не можете сами, то хоть напишите губернатору“ — перебиваетъ Свитычъ Копнина.

„Не могу, потому что Дьяковъ приказалъ долго жить.“

Чтобы не исполнять просьбы Свитыча, смотритель выждалъ, пока умеръ Дьяковъ. Такимъ образомъ, остались, повидимому, „и волки сыты, и овцы цѣлы.“

XX

Итакъ, Бочаровъ умеръ, предварительно сошедши съ ума. Дьяковъ умеръ. Этихъ двухъ замучила до смерти каторжная одиночка. Плотниковъ, Соколовскій, Боголюбовъ и Донецкій отвезены въ лечебницу для душевныхъ больныхъ. Тамъ, вѣроятно, съ ними покончатъ. Остальные обитатели каторжныхъ одиночекъ отправлены въ Сибирь; но не на поселеніе, а въ каторгу, домучиваться въ Карійской тюрьмѣ. И тамъ можно заканчивать дѣло каторжной одиночки. Слѣдовавшее зачислить, по россійскимъ законамъ, пребываніе внѣ тюрьмы бывшимъ въ централкахъ, *для политическихъ*, отмѣнено. И на Карѣ засадятъ централистовъ въ душную, тѣсную тюрьму, которая добьетъ ихъ. Но и до Кары еще много ус-

ловій, благопріятныхъ для той же цѣли: нѣсколько мѣсяцевъ пути*) во всякую погоду, грязные, сырые этапы и тюрьмы, прижимки и придирки администраціи, понемногу будутъ додѣлывать недодѣланное централкой... Иркутская тюрьма блестательно оправдала свое назначеніе... Въ зазимовавшей въ ней партіи политическихъ мало по малу заболѣваютъ бывшіе централисты. 21-го декабря однимъ бывшимъ обитателемъ каторжной одиночки стало меньше: *умеръ Дмоховскій**)*... Постоянныя столкновенія съ администраціей,**) лишеніе свиданій съ любимой сестрой, послѣдовавшей за нимъ въ Сибирь, гигіеническія условія пути и содержаніе въ тѣсной, сырой, пропитанной міазмами иркутской тюрьмѣ доканали этого, повидимому,*) здороваго человѣка, выдержавшаго 7-ми-лѣтнее заключеніе. Онъ умеръ, какъ жилъ. Его послѣднія слова были: „я умираю съ глубокимъ уваженіемъ ко всему хорошему и презрѣніемъ къ дурному". Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!... Мартирологъ жертвъ русскаго правительства увеличился еще на одно новое имя... Будущее оставшихся въ живыхъ тоже ясно: ихъ домучатъ въ дальнѣйшемъ пути, на Карѣ.

---

*) Около 8,000 верстъ съ лишкомъ, при этапномъ хожденіи верстъ по 25 въ день.

*) Осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ по дѣлу Долгушина. Дмоховскій самый старый „централистъ"; онъ первый былъ привезенъ въ централку.

**) Дмоховскій, въ пути, до болѣзни, былъ артельнымъ старостой.

*) Вскрытіе трупа показало, кромѣ патологическихъ признаковъ болѣзни, бывшей послѣдней причиной смерти (перей-эндокордитъ), еще слѣды старыхъ болѣзней, зародившихся подъ вліяніемъ централки, вообще полное истощеніе организма, какъ слѣдствіе долговременнаго пребыванія въ тюрьмѣ.

Изъ глубины Сибири, до тебя не достигнутъ, читатель, ихъ стоны. „Основамъ" безопаснѣй, если обитатели одиночекъ будутъ въ Сибири: недолетающіе стоны не вызовутъ мести въ оставшихся на волѣ друзьяхъ...

Каторжныя центральныя одиночки, повидимому, уничтожены. Но это только повидимому. Казематы Петропавловской крѣпости приспособлены къ каторжнымъ одиночкамъ. Крѣпостныя стѣны толсты; толщина ихъ замѣняетъ тысячеверстныя разстоянія Сибири, такъ что до тебя, читатель, не достигнутъ стоны и этихъ жертвъ русскаго царя, замучиваемыхъ въ казематахъ. Въ одномъ изъ такихъ казематовъ замученъ, года четыре тому назадъ, Нечаевъ; о немъ съ этого времени ничего не слышно...

Осужденные по процессу 16-ти (террористы), въ продолженіе семи мѣсяцевъ послѣ суда, были посажены на „каторжное положеніе" въ казематахъ Петропавловки. Ихъ лишили книгъ, стали кормить какими-то помоями и абсолютно изолировали другъ отъ друга. Слѣдствія такихъ условій жизни проявились довольно ясно уже послѣ семи мѣсяцевъ: въ Сибирь, на каторгу, попали лишь Зунделевичъ, Бухъ, Зубковскій, Кобылянскій, Мартыновскій, Цукерманъ и Тихоновъ. Послѣдняго, совершенно больного, обезсиленнаго, заковали въ кандалы, на рукахъ вынесли изъ каземата въ карету. На рукахъ его переносили изъ вагона въ вагонъ, съ телѣги на телѣгу; отъ слабости онъ не могъ ходить....

Ширяевъ и Окладскій не попали въ Сибирь; ихъ участь, какъ слышно, одинакова съ участью Бочарова, Плотникова и другихъ, о которыхъ мы говорили въ нашемъ разсказѣ. Сумасшедшихъ не от-

правляютъ въ Сибирь; они могутъ доканчивать свои сроки сумасшествія смертью въ казематахъ Петропавловской крѣпости, въ соборѣ которой покоится тотъ, кому мы сказали наше надгробное слово......

ПОСЛѢСЛОВІЕ

(Отъ издательства „Народныхъ Листковъ").

I

Жутко становится, читая разсказъ о жизни заживо погребенныхъ по „одиночкамъ".

Читая эту скорбную повѣсть невольно задаешь себѣ вопросъ о томъ, насколько справедливо мнѣніе, будто замѣна смертной казни одиночнымъ заключеніемъ, есть облегченіе участи осужденнаго.

„Я прошу у васъ для себя смертной казни" говоритъ Цицiановъ меликовскому генералу.

Мышкинъ даетъ смотрителю тюрьмы пощечину, надѣясь этимъ заставить правительство его казнить. Свитычъ проситъ смотрителя приказать его придушить и этимъ оказать ему благодѣяніе. А всѣ сошедшіе съ ума? Не попросили ли бы они себѣ той же „милости" у начальства, если были бы способны разумно отнестись къ своему положенію и сравнить себя въ настоящемъ своемъ положеніи съ тѣмъ, чѣмъ были прежде?

Все это заставляетъ спросить себя: не лучше ли смерть при арестѣ, въ пылу и одушевленіи борьбы, чѣмъ медленная, мучительная и часто унизительная смерть въ каменномъ мѣшкѣ какой нибудь „Централки" или „Крѣпости"?

Пусть тѣшатся правительственныя гіены надъ на-

стоящимъ трупомъ, но не получатъ возможности всячески тиранствовать и издѣваться надъ заживо погребеннымъ ими человѣкомъ. Пусть не дождутся они видѣть революціонера съ надломленной энергіей, обращающимся къ нимъ съ просьбами, ждущимъ отъ нихъ какого бы то ни было облегченія своей участи, какой бы то ни было „милости"—даже хотя бы въ видѣ смертной казни.

Инстинктъ самосохраненія слепъ; всѣ знаютъ это. Слепъ онъ настолько, что подъ вліяніемъ его, человѣку свойственно тѣшить себя несбыточными мечтами и надеждами, но у человѣка вѣдь есть и разумъ, а разумъ показываетъ ему, какъ съ одной стороны — неосновательно ждать чего либо добраго, великодушнаго и справедливаго отъ людей правительства, а съ другой — какъ наивны всѣ надежды на то, что люди эти сдѣлаютъ что либо для поддержанія гаснущей энергіи и бодрости своихъ враговъ, разъ главная цѣль всѣхъ ихъ дѣйствій по отношенію къ заключеннымъ именно и состоитъ въ уничтоженіи этой энергіи и этой бодрости.

А потому человѣкъ, предвидящій для себя возможность одиночнаго заключенія, хорошо сдѣлаетъ, если заблаговременно спроситъ себя, на сколько онъ способенъ выдержать такую пытку, ни разу не унизившись передъ своими тюремщиками. Силамъ человѣческимъ вѣдь есть предѣлъ, а правительство обладаетъ и пускаетъ въ ходъ такія средства, которыя способны сломить самыя недюжинныя силы. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ добровольно давать ему возможность попирать человѣческое достоинство и видѣть униженіе борца за народное дѣло?

Человѣкъ, вступившій на революціонный путь, не

сеть уже частный человѣкъ. Нѣтъ, онъ уже является представителемъ извѣстной идеи, онъ уже является вождемъ своего народа по извѣстному пути: въ его лицѣ то торжествуетъ, то страдаетъ не его личное дѣло, а дѣло всего народа. А разъ это такъ, то разумъ и инстинктъ сохраненія въ себѣ чувства собственнаго достоинства должны подсказать ему, что при малѣйшемъ сомнѣніи въ своихъ силахъ, онъ не имѣетъ права, добровольно ставить себя въ положеніе, при которомъ не только можетъ подвергнуться всякаго рода личнымъ униженіямъ и оскорбленіямъ со стороны разныхъ Треповыхъ, но еще можетъ дать имъ возможность, въ его лицѣ, глумиться и торжествовать побѣду надъ народнымъ дѣломъ.

II

Атаманъ разбойничьей шайки, только до тѣхъ поръ и атаманъ, пока самъ лично исполняетъ всѣ самыя трудныя и опасныя дѣла. Мы можемъ относиться отрицательно къ его дѣятельности, отъ души ненавидѣть и его, и его ремесло, но всеже никогда не можемъ испытывать по отношенію къ нему, того чувства гадливаго омерзенія, которое внушаютъ намъ наши правители, совершающіе всѣ свои мерзости чужими руками и за чужими спинами. Про атамана разбойничьей шайки можно многое сказать въ его осужденіе, но нельзя про него сказать, что онъ „блудливъ какъ кошка, а труславъ, какъ заяцъ“; къ правителямъ же нашимъ, поговорка эта вполнѣ примѣнима. Подписать смертнаго приговора они не могутъ. Кто по слабости нервовъ, кто по дряблости натуры,

кто, наконецъ изъ боязни заграничнаго общественнаго мнѣнія: но посылать людей въ одиночное заключеніе, обращать ихъ въ живые трупы, медленной пыткой высасывать изъ нихъ энергію и разумъ — это они не только могутъ, но какъ факты показываютъ, возможность эта, именно и придаетъ ихъ побѣдѣ надъ революціонеромъ, особенную для нихъ прелесть.

Способъ расправы правительства съ плѣненными революціонерами такъ подлъ, что не находишь словъ, чтобы выразить о немъ свое мнѣніе.

Глубоко же должно быть паденіе русскаго общества, коли оно не только терпѣливо выноситъ всѣ эти подлости, но еще чуть ли не боготворитъ тѣхъ, которые ихъ совершаютъ. Преданность правительству народа объясняется тѣмъ, что народъ не знаетъ всѣхъ мерзостей правительства, будучи кругомъ обойденъ и одураченъ имъ. Но какъ объяснить преданность правительству со стороны тѣхъ, кому извѣстны дѣла правительства? Намъ кажется, что преданность эта его можетъ быть объяснена только полнымъ вырожденіемъ высшихъ слоевъ русскаго общества.

Уже много столѣтій „приближеніе къ трону“, а вмѣстѣ съ нимъ и господствующее, привиллегированное положеніе обусловлено у насъ главнымъ и почти что единственнымъ образомъ, способностью не только лежать на брюхѣ передъ властью, но еще и находить въ этомъ наслажденіе. Такое положеніе вещей не могло не отразиться на душевныхъ свойствахъ тѣхъ, которые стремились занять у насъ господствующее положеніе. Не могло не отразиться и на душевныхъ свойствахъ ихъ потомковъ, отъ которыхъ въ свою очередь все настойчивѣй и настойчи-

нѣй требовалась способность вытравить въ себѣ всѣ свойства и качества свободныхъ, уважающихъ себя людей. Въ настоящее время высшіе слои русскаго общества представляютъ намъ картину того, къ чему привело подобное положеніе вещей. Нигдѣ нельзя встрѣтить такого раболѣпія и пресмыканія передъ властью, какъ именно въ высшемъ обществѣ. Тѣ рѣдкіе случаи, въ которыхъ народъ находилъ себѣ друзей въ этомъ слоѣ общества — друзей, отдававшихъ ему не только силы свои, но и жизнь свою, суть лишь тѣ исключенія, которыя на нашъ взглядъ подтверждаютъ общее правило.

Изъ этого слѣдуетъ, что было бы вполнѣ неразумно надѣяться на то, чтобы правительство и его сподручные добровольно согласились бы: правительство — перестать тиранствовать надъ народомъ, а сподручные его, т. е. высшіе слои русскаго общества, перестать помогать правительству въ этомъ дѣлѣ. Каждодневные факты русской дѣйствительности ясно показываютъ намъ, что высшіе слои русскаго общества подъ словомъ „жить“ разумѣютъ ни что другое, какъ то, чтобы имѣть возможность однихъ угнетать, а передъ другими пресмыкаться. И часто глядя на нихъ даже трудно бываетъ рѣшить, — что собственно доставляетъ имъ большее наслажденіе: возможность-ли угнетать, или же возможность пресмыкаться!

III

Пора, давно пора оставить ту, якобы нравственную, точку зрѣнія, съ которой кажется, что можно умилостивить злое чудище добровольнымъ приношеніемъ

себя ему въ жертву. Нѣтъ, злыя чудовища побѣждаются не принашеніемъ себя имъ въ жертву, а побѣждаются они лишь тѣми способами, которыми съ покон въ вѣка побѣждали ихъ смѣлые люди — тѣ, которыхъ народы зовутъ богатырями.

Только вырождающіеся, изнѣженные народы, чувства и представленія которыхъ, были въ конецъ извращены тираніей и рабствомъ, изъ злыхъ чудовищъ дѣлали себѣ боговъ и добровольно приносили имъ въ жертву какъ себя, такъ и дѣтей своихъ. Народы же не отравленные тираніей и рабствомъ, выдѣляли изъ своей среды смѣльчаковъ, которые шли противъ чудовища, вступали съ нимъ въ борьбу и уничтожали его.

Въ вопросѣ о борьбѣ революціонеровъ съ правительствомъ не мѣшало бы также оставить ту точку зрѣнія, стоя на которой кажется, что причиной борьбы, сущностью ея, является желаніе революціонеровъ свергнуть правительство, поскольку оно правительство—не обращая никакого вниманія на то, каково это правительство и что оно дѣлаетъ. Это не вѣрно, ибо борьба революціонеровъ противъ правительства имѣетъ своей основой не желаніе свергнуть его поскольку оно вообще правительство, а лишь постолько поскольку оно скверно, гнило и не соотвѣтственно требованіямъ народа.

Вѣдь что же собственно значитъ быть революціонеромъ? Вѣдь это только значитъ сознать свои неотъемлемыя человѣческія права и имѣть смѣлость вопреки правительственнымъ запрещеніямъ, пользоваться ими. Это значитъ, въ то же время, признавать и за другими такія же права, стараться помочь другимъ пользоваться ими и, наконецъ, распростра-

нять сознаніе этихъ правъ въ подавленномъ и угнетенномъ народѣ. Подобно тому, какъ человѣкъ, желающій погулять въ лѣсу, не можетъ признать за хищными звѣрями права мѣшать ему въ этомъ, такъ точно и тѣ, которыхъ называютъ революціонерами, не могутъ признать за правительствомъ права мѣшать людямъ пользоваться своими человѣческими правами. И подобно тому, какъ гуляющій по лѣсу имѣетъ полное нравственное право обезопасить себя отъ нападенія хищныхъ звѣрей, такъ точно и революціонеръ имѣетъ полное право обезопасить себя отъ нападеній правительства.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія намъ становится яснымъ въ чемъ собственно состоитъ заблужденіе людей, упрекающихъ революціонеровъ въ томъ, что они будто бы первые нападаютъ на правительство и даютъ революціонерамъ благіе, какъ имъ кажется, совѣты, перестать это дѣлать. Такіе люди, вопреки дѣйствительности, или не признаютъ возможности отнятія у человѣка его свободы и его человѣческихъ правъ, совершенно серьезно доказывая, что и въ одиночномъ заключеніи человѣкъ вполнѣ свободенъ, или же еще не проснулись къ сознанію этихъ правъ, а потому и не замѣчаютъ ихъ отсутствія. Вообще они по тѣмъ или другимъ причинамъ не видятъ этой стороны дѣла, не видятъ принципіальной, идейной его подкладки, а видятъ лишь борьбу, не будучи въ состояніи отдать себѣ яснаго отчета въ причинахъ ея возникновенія.

Итакъ, намъ кажется, что пора бы уяснить себѣ, что въ борьбѣ революціонеровъ съ правительствомъ нападающей стороной является правительство. Правительство ради своихъ личныхъ выгодъ стремится

отнять у людей то, что составляетъ ихъ неотъемлемую собственность. Тѣ смѣльчаки, которые добровольно не отдаютъ правительству того, на что оно не имѣетъ ни малѣйшихъ правъ — называются революціонерами. Люди эти часто приходятъ къ заключенію, что бываетъ иногда полезно, въ видахъ самообороны — самимъ напасть на правительство и часто такъ поступаютъ.

Но все же было бы несправедливо назвать ихъ нападающей стороной, какъ несправедливо было бы разсматривая англо-бурскую войну, назвать буровъ стороной нападающей, хотя имъ и случалось не разъ дѣйствительно нападать на англичанъ и бить ихъ.

Въ Индіи существуютъ цѣлые округи, жители которыхъ съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ относятся къ нѣкоторымъ тиграмъ и крокодиламъ только потому, что эти тигры и крокодилы съѣли изрядное количество ихъ братій. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доходитъ до того, что народъ смотритъ на убійство такихъ хищниковъ, чуть ли не какъ на святотатство. Не только считается преступленіемъ охота на нихъ, но общественное мнѣніе клеймитъ безнравственностью всякія мѣры предосторожности противъ нихъ.

Это отношеніе индусовъ къ тѣмъ тиграмъ и крокодиламъ, которые сумѣли внушить имъ наибольшій страхъ, очень цѣнно для насъ, ибо позволяетъ намъ заглянуть въ души тѣхъ, которые особенно недружелюбно относятся къ дѣятельности нѣкоторыхъ революціонныхъ группъ.

Суевѣрный страхъ, который правительство сумѣло внушить нашему обществу, заставляетъ его всячески выгораживать правительство и порицать образъ дѣйствія революціонеровъ, когда эти послѣдніе при за-

щитѣ себя отъ правительства пользуются, въ борьбѣ съ нимъ нѣкоторыми изъ его же средствъ. Даже встрѣчаются революціонеры, которые, вопреки всякому здравому смыслу, готовы поставить себя, при борьбѣ съ правительствомъ, въ положеніе, исключающее возможность малѣйшаго успѣха. Какого были бы мы мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ человѣка, который вышелъ бы на борьбу противъ тигра съ голыми руками? Тигръ вѣдь не безоруженъ, а потому будетъ справедливымъ, если вооружится и его противникъ. Люди правительства не могутъ претендовать на то, если революціонеры при самооборонѣ пустятъ въ ходъ тѣ средства, которыя употребляетъ правительство при нападеніи на нихъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ открыто заявилъ о своей твердой рѣшимости терроризировать общество. Неужели же революціонеры не отвѣтятъ ему тѣмъ же и не рѣшатся: „бить ему челомъ его же добромъ?"

Или, можетъ быть, вырожденіе русскихъ людей такъ полно, что имъ кажется святотатствомъ предпринять что-либо противъ хищника, который на своемъ вѣку загубилъ такое громадное число человѣческихъ жизней, что вслѣдствіе этого особа его стала въ ихъ глазахъ священной?

Тотъ фактъ, что многимъ не по душѣ средства употребляемыя правительствомъ, вовсе еще не говоритъ объ отсутствіи нравственнаго права на употребленіе ихъ революціонерами при самооборонѣ отъ правительственнаго угнетенія, а говоритъ лишь о томъ, что люди ихъ отрицающіе, еще не проснулись къ сознанію необходимости для себя права вести чело-

вѣческую жизнь, ибо другихъ средствъ добыть себѣ это право не существуетъ.

Если бы люди эти были правдивѣй и передъ самими собой, и передъ другими, и серьезнѣй относились бы къ этому дѣлу, то имъ бы слѣдовало отрицать не средства, ибо повторяемъ, другихъ средствъ нѣтъ, а имъ бы слѣдовало отрицать отсутствіе человѣческихъ правъ, доказывать, что права эти имѣются на лицо, а потому нелѣпо тратить силы на ихъ добычу и, что вообще нѣтъ такого положенія, при которомъ человѣкъ можетъ быть лишенъ этихъ правъ. Съ этой своеобразной точки зрѣнія узникъ центральной тюрьмы совершенно свободенъ и не нуждается ни въ какомъ другомъ освобожденіи, кромѣ освобожденія отъ своихъ грѣховъ.

Индусы боготворящіе священныхъ крокодиловъ и, тигровъ, смотрятъ на ихъ присутствіе среди нихъ, какъ на наказаніе за свои грѣхи и вѣрятъ, что единственный законный способъ избавиться отъ нихъ, состоитъ не въ борьбѣ съ этими крокодилами и тиграми, а въ борьбѣ со своими грѣхами. Сами тигры и крокодилы очевидно никогда не могли бы придумать ничего для себя пріятнѣе, если бы волей судебъ имъ было бы поручено выработать для людей правила поведенія. Ибо такія правила, разъ они приняты, обезпечиваютъ имъ на многіе и многіе годы возможность лакомиться человѣческимъ мясомъ и, кромѣ того, придаютъ этому дѣлу вполнѣ нравственный и законный видъ.

Къ счастію бѣдныхъ индусскихъ грѣшниковъ, путешествующіе по Индіи англичане смотрятъ на дѣло иначе и разрывными пулями навсегда избавляютъ

ихъ отъ необходимости питать собой и своими близкими разныхъ священныхъ звѣрей.

IV

Одиночное заключеніе не шутка. а одна изъ самыхъ ужасныхъ пытокъ, когда либо изобрѣтенныхъ людьми.

При той системѣ террора, которую министръ внутреннихъ дѣлъ обѣщаетъ примѣнить ко всѣмъ чувствующимъ потребность вести человѣческую жизнь, только счастливая случайность можетъ избавить человѣка, вступившаго на революціонный путь, отъ этой пытки.

Поэтому намъ кажется, что простая осторожность обязываетъ всякаго, кому можетъ угрожать такая пытка притомъ еще приправленная издѣвательствами и ежедневными оскорбленіями со стороны правительственной мелюзги — разныхъ Грицыревскихъ, Копнинныхъ, „Продовъ“ и другихъ, серьезно взвѣсить, на сколько они способны выдержать все это безъ утери своего разума или энергіи. Очень рѣдки тѣ, которые способны выдержать физическую и нравственную пытку одиночнаго заключенія и при этомъ остаться самими собой. Для огромнаго же большинства оно равносильно физической или нравственной смерти, и въ этомъ, понятно, и заключается причина, по которой правительство такъ охотно прибѣгаетъ къ нему. Правительству надо сломить энергію противника и ему это тѣмъ болѣе необходимо, чѣмъ противникъ его энергичнѣй. Массовыя казни могли бы, конечно, достичь того же самаго результата и достичь его го-

раздо скорѣй, но массовыя казни, имѣя свои преимущества, имѣютъ и свои недостатки.

Они вѣдь могли бы встревожить даже русское общество. А массовыя одиночныя заключенія оставляютъ его равнодушнымъ. И это понятно: рабы могутъ бояться только смерти: лишеніе же другихъ людей того, чѣмъ они сами не только не обладаютъ, но отсутствія чего въ своей жизни даже не чувствуютъ — они, конечно, ни во что не ставятъ.

Но такъ относиться къ одиночному заключенію не могутъ люди, которыхъ оно лишаетъ того, что для нихъ иногда дороже самой жизни, въ особенности, если они не представляютъ изъ себя великановъ по своимъ физическимъ и нравственнымъ силамъ.

Обыкновеннымъ, среднимъ людямъ, инстинктъ сохраненія въ себѣ человѣческаго достоинства, долженъ подсказать, что неблагоразумно съ ихъ стороны добровольно итти на такого рода пытку, которая можетъ, на потѣху и удовольствіе ихъ враговъ, совершенно изломать ихъ и физически и нравственно.

Если, какъ показываютъ факты, продолжительное одиночное заключеніе для огромнаго большинства равносильно смерти или сумасшествію, то не лучше ли, не разумнѣй ли, не достойнѣе ли, наконецъ, для борца за народное дѣло не подвергать себя опасности быть потихоньку задушеннымъ въ одномъ изъ правительственныхъ каменныхъ мѣшковъ, а подавивъ въ себѣ инстинктъ самосохраненія и наивныя надежды на гуманность, справедливость и великодушіе слугъ правительства, добровольно и сознательно пасть въ открытой борьбѣ съ этими слугами? На людяхъ вѣдь и смерть красна. А что можетъ быть

хуже и отвратительнѣе для человѣка, въ которомъ еще не изсякла вся энергія, какъ очутиться въ положеніи ведомой на зарѣзъ скотины. Или каково должно было быть нравственное состояніе тѣхъ, которые были доведены до неоходимости себя заживо сжигать или размозжить себѣ голову объ полъ?

Мы увѣрены въ томъ, что если бы всѣ тѣ, которые были доведены до подобнаго состоянія, могли бы намъ повѣдать, что передумали они, рѣшаясь на подобнаго рода освобожденія себя отъ мученій правительства, то мы узнали бы, что они не разъ горько сожалѣли, что не пали при арестѣ отъ своей руки, или отъ руки пришедшихъ ихъ арестовать. И такая ихъ смерть была-бы не только гораздо легче, пріятнѣй и достойнѣе, но, кромѣ того, была бы полезнѣй и для народнаго дѣла, ибо заставила бы слугъ правительства серьезнѣе и съ большимъ уваженіемъ относиться къ революціонерамъ. А то, что же мы видимъ теперь? Жандармы идутъ арестовывать революціонеровъ, точно на прогулку, которая ничего, кромѣ удовольствія и выгоды, имъ принести не можетъ. Положенія обѣихъ борящихся сторонъ слишкомъ не равны: одна сторона не только ничѣмъ не рискуетъ, а еще изъ своего дѣла составляетъ себѣ доходную статью. Другая же рискуетъ не только жизнью, но больше, чѣмъ жизнью, — разумомъ и человѣческимъ достоинствомъ. Гдѣ же тутъ справедливость? Не пора ли прекратить такое положеніе вещей и постараться уравновѣсить положенія борящихся сторонъ? Уравновѣшеніе же положенія борящихся сторонъ, даже одно признаніе необходимости это сдѣлать выдвинетъ впередъ людей, съ которыми правительству придется считаться, къ кото-

рымъ нельзя будетъ относиться, какъ относится охотникъ къ глупымъ куропаткамъ, которыхъ онъ, какъ домашнюю птицу, пѣшкомъ загоняетъ подъ сѣтку.

Люди эти образуютъ изъ себя передовой отрядъ революціонной арміи, который положитъ въ основу своего образа дѣйствія законъ справедливости, а также отношеніе къ себѣ, не какъ къ частнымъ лицамъ, а какъ къ представителямъ великаго народнаго дѣла, которымъ неприлично дозволять глумиться надъ собой. Люди этого передового отряда не будутъ закрывать глаза на то, что ихъ ожидаетъ по одиночкамъ, а потому всегда предпочтутъ смерть съ оружіемъ въ рукахъ, лицомъ къ врагу и въ борьбѣ съ нимъ — смерти пойманной крысы, которую правительство тайкомъ душитъ въ одной изъ своихъ мышеловокъ — „централокъ.“

Когда правительство увидитъ, что прошло время покорной отдачи себя ему въ руки, когда увидитъ, что революціонеры дѣйствительно предпочитаютъ смерть порабощенію и лишенію образа и подобія человѣческаго, то оно отлично пойметъ, что ему пришла пора уступить, ибо что-же можетъ оно сдѣлать съ людьми, устрашить которыхъ стало невозможно, съ людьми, которые не боятся смерти и не даются въ руки живыми?

Вотъ, какъ намъ кажется, смыслъ того, что повѣдали бы намъ Мышкины, Циціоновы, Свитычи, Боголюбовы и многіе другіе, если бы могли разсказать намъ свои предсмертныя думы.

Напечатано:

„НАРОДНЫЕ ЛИСТКИ."

№ 1 Все для дѣла.
№ 2 О штундѣ.
№ 3 Письмо къ фельдфебелю Л. Н. Толстого.
№ 4 Рѣчъ рабочаго Петра Алексѣева.
№ 5 Богослуженіе. Л. Н. Толстого.
№ 6 Царское поученіе. Преданіе.
№ 7 Экзекуція. Л. Н. Толстого.
№ 8 Объ уличныхъ безпорядкахъ. (Мысли военнаго).
№ 9 Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа.

БИБЛІОТЕКА „НАРОДНЫХЪ ЛИСТКОВЪ."

№ 1 Слова вѣрующаго.
№ 2 Надгробное слово Александру II (изъ № 3 „Вѣстника Народной Воли").

Съ требованіями на изданія „Народныхъ Листковъ" просимъ обращаться къ Антону Михайловичу Ляхоцкому Onex 47, près Genève Suisse. По тому же адресу просимъ присылать матеріалы, сообщенія и пожертвованія.

